

На правах рукописи

Уйманов Валерий Николаевич

**Массовые репрессии в Западной Сибири (1919–1941 гг.)
и кампании по реабилитации репрессированных**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени доктора исторических наук

Томск
2013

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре истории и документоведения исторического факультета

Научный консультант:

Ларьков Николай Семенович,
доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра истории и документоведения, заведующий кафедрой

Официальные оппоненты:

Папков Сергей Андреевич,
доктор исторических наук, профессор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник

Фоминых Сергей Фёдорович,
доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра современной отечественной истории, заведующий кафедрой

Сосковец Любовь Ивановна,
доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра истории и регионоведения, профессор

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет»

Защита состоится 27 декабря 2013 г. в 14.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (корпус № 3, ауд. 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан 25 сентября 2013 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

В.В. Шевцов

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Массовые репрессии в СССР оказали огромное воздействие на различные стороны жизни Советского, а затем и Российского государства, серьёзно повлияв на экономическое и политическое развитие страны, социальную и культурную сферы жизни общества.

Принятие партийно-советскими органами в конце 1980-х – начале 1990-х гг. нормативно-правовых документов по вопросам реабилитации жертв политических репрессий в СССР способствовало открытию целого ряда фондов архивов, в том числе органов КГБ и МВД, и получению доступа к ним исследователей. К настоящему времени введено в научный оборот большое количество архивных документов, написано значительное число научных работ, защищены десятки диссертаций, в средствах массовой информации опубликовано огромное количество материалов, освещающих историю репрессий. Однако пока еще «вскрыт» лишь поверхностный слой, так как многие документы по-прежнему остаются недоступными для исследователей. В недостаточной степени исследованы фонды архивов субъектов РФ, где (в частности, в госархивах) хранится большое количество дел, содержащих материалы, относящиеся к репрессиям советского периода. До настоящего времени нет исчерпывающих данных о количестве жертв массовых репрессий, что приводит к обнародованию недостоверной информации, в том числе для достижения конъюнктурных целей политического характера. Наконец, процесс реабилитации и увековечения памяти жертв репрессий ещё не завершён.

Исследование тоталитарных режимов требует их всестороннего рассмотрения. Изучение Советского государства, его институтов позволяет выявить процесс становления такого режима, его характерные черты в период, когда общество находилось под полным контролем и влиянием одной партии, подменявшей все органы власти и управления, определившей единые «идеологически обоснованные» требования к поведению и образу жизни своих сограждан. Для поддержания созданной системы в СССР была выстроена вертикаль властных, в том числе карательных, органов. Сегодня приходится констатировать, что власти и население страны оказались не готовыми к современным демократическим преобразованиям, несмотря на наличие многопартийности, альтернативных выборов, отсутствие цензуры и других ограничений. В отдельных случаях демократические свободы подменяются вседозволенностью и беспринципностью. До настоящего времени государственные власти России не проявили искренней заинтересованности и не предприняли достаточных мер для выявления реальных масштабов репрессий и их последствий.

Научная значимость темы диссертации обусловлена необходимостью создания системного представления о советском периоде истории страны, в том числе определения роли

репрессий и реабилитации жертв репрессий в деятельности партийно-советского руководства в зависимости от изменения векторов проводимой политики. Без этого невозможно глубокое понимание характера и особенностей модернизационных процессов в XX столетии, сущности тоталитарных режимов и механизмов их функционирования.

Исследование региональных практик авторитарного и тоталитарного режимов, в данном случае выявление механизма и результатов репрессивной политики на территории Западной Сибири, позволит создать более точную и объёмную историческую модель репрессивной машины, созданной правящей коммунистической партией, поможет составить в перспективе полную базу данных репрессированных. Это, в свою очередь, даст возможность определить истинные масштабы репрессий, имевших место в период правления коммунистического режима в СССР.

Степень изученности темы. Историографию репрессивной политики Советского государства можно разделить на три периода. Первый ограничивается рамками 1919 г. – середины 1950-х гг., второй – со второй половины 1950-х гг. до второй половины 1980-х гг., причём его можно разделить на два этапа – от начала периода до середины 1960-х гг. и с указанного времени до завершения периода. Третий – с конца 1980-х гг. до настоящего времени.

Для первого периода характерной особенностью является наличие преимущественно официальных публикаций в виде сборников, брошюр и отдельных статей. Их издание преследовало две цели: выработку единых подходов в борьбе с «врагами народа» – для практиков, преимущественно из правоохранительных органов, и идеологическое обоснование, как перед ними, так и перед населением, наличия в стране врагов, о чём говорили И.В. Сталин и его ближайшее окружение, что подкреплялось партийными решениями. Большинство этих изданий предназначалось для руководства страны, партийно-советского актива, профессиональных групп юристов и правоведов.

Объективная информация о репрессиях замалчивалась, подменялась тиражируемыми тезисами о наличии международной опасности для страны и многочисленных происках врагов, мешающих строительству социализма в СССР. Публикации обычно содержали положительную оценку происходивших в стране событий. Даже строительство руками десятков тысяч заключённых Беломоро-Балтийского канала преподносилось как достижение мудрого руководства страной. Цензура не пропускала ни слова, идущего вразрез с официальной доктриной. Более того, в вышедшем в 1938 г. «Кратком курсе истории ВКП (б)» – учебнике по истории коммунистической партии с изложенной в нём концепцией развития Советского государства – полностью оправдывались преследование и уничтожение «врагов народа». Это рассматривалось как неизбежность в борьбе за построение «светлого

будущего», причинами применения репрессий назывались обострение классовой борьбы, попытки отдельных «оппозиционеров» подорвать партию изнутри, необходимость борьбы с «вредителями» и т.д.

Профессиональная подготовка сотрудников органов НКВД предполагала в ещё большей степени их убеждение в наличии многочисленной армии врагов и нацеленность на борьбу с ними. Так, в вышедшем в 1939 г. учебнике по чекистской работе приведены десятки примеров враждебных действий «контрреволюционных сил» против Советского государства.

Особое место занимает литература, посвящённая оценке событий тех лет в СССР и лично И.В. Сталину, вышедшая в 1920–1930-х гг. на Западе и переизданная в нашей стране в 1990-е – начале 2000-х гг. (книги Б. Бажанова, Л. Троцкого, А. Орлова, В.Г. Кривицкого и др.). При наличии определённого субъективизма эти работы представляют интерес как оценка современниками событий, происходивших в СССР в те годы. Несмотря на свой мемуарный характер, они во многом заложили основу историографии темы.

На протяжении последующих лет, до середины 1950-х гг., в общественное сознание продолжали внедряться мысли о гениальности И.В. Сталина и его незаменимости. Появившиеся в это время публикации о культе личности, в частности на страницах журнала «Коммунист», напрямую не связывались с его именем, объявляли культ личности идеалистической теорией, не имевшей ничего общего «с высшим принципом партийного руководства – его коллегиальностью» и т.д. Тема культа затрагивалась на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, но критика была неконкретной, не относилась к И.В. Сталину. Тема репрессий не поднималась вообще.

Борьба с культом личности развернулась после XX съезда КПСС, на котором с докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н.С. Хрущёв. Съездом было принято постановление «О преодолении культа личности и его последствий». В обществе появилась возможность говорить о репрессиях, стали появляться публикации воспоминаний бывших политзаключённых. В 1953–1955 гг. в стране была начата реабилитация «политиков», стали работать комиссии по пересмотру дел на лиц, ранее осужденных по политическим статьям. Однако руководство страны использовало все возможности, чтобы не допустить перерастания критики культа личности в переоценку истории партии и страны. 19 декабря 1956 г. закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Была развёрнута кампания по борьбе с «жалкими остатками антисоветских элементов в нашей стране». Ответственность за репрессии была «возложена» на Л.П. Берия и его подручных. Вина И.В. Сталина заключалась якобы лишь в неверном посыле об обострении классовой борьбы по мере построения социализма в СССР, ставшем идейной основой массовых репрессий.

Партийно-советское руководство страны в 1950–1970-е гг. не допустило изучения культа личности как социального явления и репрессий в СССР, хотя в партийных документах к этим темам обращались неоднократно и в постановлении ЦК КПСС об антипартийной группе Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича и В.М. Молотова, и в материалах XXI и XXII съездов КПСС. В последующие годы критика И.В. Сталина постепенно пошла на убыль, а после октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС и вовсе прекратилась. Это объяснялось тем, что «авторы» разоблачения сами являлись непосредственными организаторами массовых репрессий. Опубликование в «Правде» 21 декабря 1979 г. статьи, посвящённой 100-летию со дня рождения И.В. Сталина, многими было расценено как попытка его политической реабилитации.

Тем не менее выход отдельных произведений, в том числе и художественных, позволил приподнять «завесу» над тайной сталинских репрессий. Наиболее фундаментальным исследованием считается «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Автор использовал сотни свидетельств очевидцев и жертв репрессий, позволивших проследить причинно-следственные связи между политикой руководства страны и репрессиями, выявить особенности их реализации на практике, в том числе и в Западной Сибири (расселение сосланных в Нарымском крае, работа Мариинского распределителя и др.). Несмотря на наличие фактических ошибок, ему удалось раскрыть суть лагерной системы, нравы и обычаи, царившие в них.

В этот же период появились работы, посвящённые чекистским органам (книги П.Г. Софинова, М.Е. Бударина, В.П. Портнова и др.), большинство которых, в том числе и в Западной Сибири, в основном описывали достижения сотрудников органов госбезопасности в борьбе с многочисленными врагами государства, не касаясь темы массовых репрессий.

На Западе вопросы истории СССР на протяжении всего периода его существования были в поле зрения исследователей. Многие работы были посвящены И.В. Сталину и сталинизму, действовавшему механизму власти. В указанный период вышли работы А.Г. Авторханова, Р. Конквеста и др. Работа Р. Конквеста «Большой террор» – одно из наиболее крупных исследований, посвящённых событиям 1930–1940-х гг. в СССР, – написана на основе опубликованных источников, общения с русскими и украинскими эмигрантами, анализа советских документов, например материалов переписей населения. Автор сделал выводы о преемственности политики И.В. Сталина, основы которой были определены ещё В.И. Лениным, о формировании тоталитарного режима и узаконивании системы террора в СССР. Однако число жертв террора Р. Конквест существенно завысил, определив в 20 млн чел.

Советская историография 1960-х – первой половины 1980-х гг. отражала официальные идеологические установки государства, рассматривая события исследуемого периода с позиций классового подхода. Тема репрессий не выделялась в качестве отдельной области исследования. Карательная политика государства получала отражение в работах, преимущественно

посвящённых классовой борьбе в деревне в период раскулачивания и коллективизации. Рассмотрение различных аспектов этой борьбы давало некоторое представление о репрессивной политике, в частности по отношению к крестьянству. Из числа сибирских историков следует назвать работы Н.Я. Гущина, Л.И. Боженко, Ю.В. Куперта, В.А. Ильиных и др. Ими было уделено большое внимание изучению классовой борьбы в деревне в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., в том числе в Западной Сибири, с анализом причин, особенностей проявления крестьянского сопротивления и т.п. Но будучи ограниченными в использовании значительной части архивных фондов в связи с их закрытостью и, главное, из-за влияния господствовавших идеологических установок, их работы касались лишь отдельных аспектов темы и не содержали чётких выводов о целенаправленном характере и последствиях проводимой политики репрессий по отношению к разным социальным группам населения. Тем не менее многие работы этих авторов остаются востребованными в части содержащегося в них фактического материала.

Третий период в развитии российской исторической науки начался с конца 1980-х гг. на волне начавшихся демократических преобразований в СССР, что вызвало настоящий обвал публикаций по проблемам сталинизма и массовых репрессий. Интерес историков и публицистов к теме репрессий был огромен. Значительное количество статей, очерков, интервью, воспоминаний и т.п. разместили на своих страницах областные, городские, районные и многотиражные газеты региона. Только в 1989–1992 гг. в газетах «Кузбасс», «Советская Сибирь», «Алтайская правда» и «Красное знамя» увидело свет около 500 публикаций. В томских газетах – «Красное знамя», «Молодой ленинец», «Народная трибуна» и «Томский вестник» – в 1989–1993 гг. было помещено 766 материалов по теме репрессий. Среди авторов публикаций чаще других встречались фамилии В. Гришаева, В. Гузеевой, В. Галкина, Н. Маскиной и др. В. Гришаевым в 1990–2000 гг. в газетах и журналах Алтайского края было опубликовано 39 материалов.

Почти одновременно с лавиной газетных публикаций уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вышли из печати первые сборники статей и материалов, посвящённых теме массовых репрессий. Значительное число документов было опубликовано в 1989–1991 гг. в журнале «Известия ЦК КПСС». С 1992 г., с момента воссоздания журнала «Исторический архив», на его страницах опубликовано более 100 подборок документов по широкому кругу вопросов, связанных с политическими репрессиями. Эти публикации существенно расширили источниковую базу исследований. Пополнение её в дальнейшем во многом было связано с выпуском в ряде регионов страны Книг Памяти жертв политических репрессий. Их появление дало новый толчок в исследовании темы репрессий, так как многие из них сопровождались опубликованием нормативно-правовых документов партийно-советско-чекистских органов,

материалов архивно-следственных дел и других документов, ранее недоступных исследователям.

Культу личности И.В. Сталина и оценке сложившейся в Советском государстве системы были посвящены на рубеже 1980-х – 1990-х гг. работы исторической и философской направленности Д.А. Волкогонова, А.И. Зевелёва, Н.Н. Маслова, О.В. Хлевнюка, Р.А. Медведева и других исследователей. Авторы работ рассматривали объективные и субъективные факторы зарождения культа Сталина, анализировали политическую суть сталинизма и его последствия.

Появилось большое количество работ, раскрывающих механизм функционирования репрессивной системы в СССР в период 1930-х – начале 1950-х гг. Важное место в исследовании темы занимают труды В.Н. Земскова, посвящённые определению численного состава лагерного контингента ГУЛАГа. Им проведена большая работа по изучению документов, содержащих информацию о лагерной системе в СССР, о ссылке крестьянства и т.п., его работы насыщены статистическим материалом. Во многом позицию В.Н. Земскова разделяет А.Г. Дугин, уделивший вопросам функционирования ГУЛАГа достаточно много внимания. Он в своих работах также опирается на фактические данные и материалы ГУЛАГа, полагая их объективными.

Между тем отдельные авторы (И.Н. Кузнецов, Л.И. Гвоздкова, Р.С. Бикметов и др.), не склонные доверять официальной статистике, подвергли сомнению объективность данных, опубликованных В.Н. Земсковым, например, о численности заключённых ГУЛАГа. Однако аргументы Р.С. Бикметова о занижении этой численности, со ссылкой на работы в других регионах, ничем не подтверждаются¹. Ещё в 2000 г. мною была опубликована статья, в которой доказывалась бесосновательность ряда заявлений И.Н. Кузнецова и Л.И. Гвоздковой, в том числе и по числу жертв репрессий².

Следует заметить, что функционирование уголовно-исполнительной системы (УИС) России в целом, и ГУЛАГа в частности, её развитие и совершенствование позволяют чётко отслеживать изменения политического курса государства и перемены в жизни общества. Эта проблема в разной степени затрагивается многими исследователями при рассмотрении вопросов, связанных с судьбами «бывших» и политических оппонентов большевиков, коллективизацией и ликвидацией «кулачества как класса», ссылкой этих «противников» большевиков, репрессиями 1937–1938 гг., насильственным переселением народов Прибалтики,

¹ Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е гг. и реабилитация жертв террора : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992; Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997; Бикметов Р.С. Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е – середине 1950-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. С. 5.

² Уйманов В.Н. История – наука точная // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей. Томск, 2000. С. 210–218.

Западной Украины, Кавказа и др., количеством жертв террора и т.д. Различным аспектам, связанным с УИС страны, посвящены работы М.Г. Деткова, А.И. Зубкова, Ю.А. Реента и др. Авторы на основе анализа законодательной и правоприменительной практики в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы рассматривают процесс образования и развития УИС, её учреждений и органов, их место, роль и деятельность в системе государственного механизма на разных этапах функционирования Советского государства, в том числе и при реализации политики репрессий. В ряде работ исследуются система мест лишения свободы, режим и условия отбывтия наказания заключёнными (питание, медицинское и культурно-массовое обеспечение, трудоустройство, быт и т.д.).

Серьёзный вклад в рассмотрение деятельности системы лагерей и содержания в них заключённых внесли работы исследователей регионального уровня Н.А. Морозова, М.Б. Рогачёва, В.М. Кириллова и др. Их ценность заключается в том, что они написаны на конкретном материале, в том числе отдельных лагерных подразделений ГУЛАГа, что позволило достаточно глубоко и полно проанализировать их деятельность экономического и режимного характера, определить проблемы и трудности, влиявшие на их функционирование.

В последнее время вышло много работ, посвящённых не только отдельным аспектам действия репрессивного аппарата, но и отдельным руководителям репрессивных органов (публикации Л.М. Млечина, М.М. Ильинского, Н.В. Петрова, Б. Соколова, М. Янсена, А.А. Здановича, О.Б. Мозохина и др.). Несмотря на налёт сенсационности и тенденциозность, часть из них написана на высоком профессиональном уровне, с использованием архивных материалов.

Деятельность российских спецслужб достаточно подробно рассматривается в ходе организованных Центром общественных связей и Академией ФСБ России «Исторических чтений на Лубянке». В 1997–2011 г. состоялись 15 конференций, по итогам которых регулярно выпускались сборники докладов с таким же названием. Многие доклады содержали информацию, впервые вводимую в оборот, выявленную исследователями при работе в архивах, в том числе в архивах органов госбезопасности.

В рамках третьего периода историографии многие специалисты, изучавшие тему репрессий в СССР, и рядовые читатели получили возможность ознакомиться с работами зарубежных авторов, таких как Л. Белادي, Т. Краус, С. Максудов, Ж. Росси, Р. Такер, П. Соломон, Н. Верг, Л. Виола, К. Шлёгель и др. В этих исследованиях достаточно полно освещается история Советского государства, содержится большое количество фактического материала, собранного из различных источников. Причём многие вопросы, связанные с историей сталинизма и массовых репрессий в СССР, именно в них были подняты впервые. Однако эти работы грешат порой тенденциозностью в освещении тех или иных событий,

выпячиванием отдельных фактов, наличием противоречивой информации. Имеют место необоснованные выводы, наподобие того, что якобы «всеобщая программа массового уничтожения» была во многом определена русским национальным шовинизмом и что к смертной казни приговаривались в основном нерусские¹. Встречаются ошибки, касающиеся географии, административно–территориального деления Сибири, терминологии, в частности в работах Л. Виолы².

Анализ англо-американской историографии сталинизма содержится в работах Е.А. Осокиной, И.В. Павловой, Е.В. Кодина. Изучению репрессий в англо-американской историографии посвящена работа В.И. Меньковского, в которой рассматриваются процесс и периоды развития историографии, анализируются направления и концепции по теме сталинских репрессий. В частности, отмечается, что ряд «ревизионистов» ставит под сомнение влияние террора на повседневную жизнь советского общества в 1930-е гг., преуменьшают масштабы репрессий, оправдывают И.В. Сталина и обвиняют НКВД, например, в проявлении «инициативы» по фабрикации дел (работы Дж. Гетти «Истоки больших чисток: Новый взгляд на советскую коммунистическую партию в 1933–1939 гг.», Р. Терстона «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941» (1996) и др.). Причины этого, по мнению В.И. Меньковского, кроются в избирательности использования названными авторами архивных данных, в собственном видении происходивших событий (иногда без документального подтверждения) и непонимании особенностей проводимой в СССР в те годы политики. Работы этих авторов были подвергнуты критике и их коллегами³.

В 1990-е – 2000-е гг. тема массовых репрессий стала одним из важных направлений исторических исследований на региональном уровне, в том числе на территории Западной Сибири.

Большой интерес к теме репрессий был проявлен историками Западной Сибири В.П. Бойко, С.А. Красильниковым, Н.С. Ларьковым, И.В. Павловой, С.А. Папковым, В.И. Шишкиным и др. Многие работы были написаны на основе архивных материалов органов госбезопасности. Сибирскими исследователями, совместно с работниками архивных служб, в том числе и правоохранительных органов, было выпущено несколько сборников документов.

Заметным вкладом в изучение темы репрессий в Сибири явились монографии новосибирского историка С.А. Папкова. В первой – «Сталинский террор в Сибири 1928–

¹ Кип Джон, Литвин Алтер. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 153–154. Их позицию, в частности, разделяют Е.В. Козин (Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М., 2011. С. 29–31.) и В.П. Булдаков (Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 569).

² Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина... С. 106, 196, 201; Она же. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М., 2010. С. 18.

³ См.: В. Меньковский. Изучение репрессий сталинского периода в англо–американской ревизионистской историографии // История сталинизма: репрессированная российская провинция... С. 84.

1941» – автор предпринял попытку исследования карательной политики в крупнейшем регионе страны, проведения массовых политических кампаний в отношении отдельных социальных и политических групп из числа жителей региона, влияния репрессий на реализацию проектов советского руководства на региональном уровне. В работе «Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири» С.А. Папков продолжил развитие темы, значительно пополнив новым фактическим материалом, расширив хронологические рамки до начала 1950-х гг. и рассмотрев вопросы карательного правосудия в регионе в годы Великой Отечественной войны и послевоенные политических кампании и спецоперации НКВД–МГБ. В работе дана оценка оснований и предпосылок проведения политики репрессий, которую он справедливо рассматривает «как составную часть единого комплекса социально–экономических преобразований в стране». Начиная с 1928 г. репрессивные меры, например в сельском секторе экономики, стали одним из важнейших рычагов социальной перестройки села, постепенно распространяясь на другие сферы жизни советского общества. Проведение массовых репрессий позволило провести чистку общества от потенциальных противников, частично обновить управленческий аппарат, решить ряд др. задач. Он также анализирует место и роль руководителей партийных организаций Сибири в реализации на практике репрессивной политики. Не меньший интерес представляют и другие работы С.А. Папкова, в частности опубликованные в Книге Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области (одним из создателей которой он является), освещающие отдельные аспекты репрессий в регионе.

Особого внимания заслуживает вышедший в 2004 г. коллективный труд новосибирских исследователей «Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум». С.А. Красильниковым, Л.И. Пыстиной, М.С. Саломатовой, С.В. Шейхетовым, Ю.И. Голиковым, В.И. Пинкиным всесторонне, на обширном фактическом материале рассмотрены различные аспекты жизни нескольких социальных групп, ставших заложниками карательной системы Советского государства – спецпереселенцев, ссыльных, «лишенцев», «спецов».

Вопросам деятельности на территории региона представителей оппозировавших большевикам партий и движений, их преследованию и репрессиям за политическую деятельность посвящены работы А.В. Добровольского, А.А. Штырбула и др. Они позволяют проследить процесс постепенного вытеснения большевистским руководством страны представителей этих партий и движений с политической арены с применением преимущественно неправовых методов. Однако вопросы, связанные с репрессиями против так называемых бывших и политических оппонентов, рассматривались только в связи с их жизнью и деятельностью, без попыток сколько-нибудь глубокого осмысления причинно-следственных связей и механизма их преследования в разные периоды времени.

Одному из важнейших событий начала 1920-х гг. в Западной Сибири – «Западно-Сибирскому мятежу 1921 года» – посвящены работы В.И. Шишкина и Н.Г. Третьякова. Для этих исследований характерна глубокая и многоаспектная проработка вопросов, связанных с крупнейшим крестьянским выступлением против большевистского режима и проводимой им политики. Авторы неоднократно возвращались к этой теме, возможно, по причине того, что в объяснении ряда центральных вопросов Западно-Сибирского мятежа историки продолжают «оставаться в плену у мифов, которые были сочинены чекистами и тиражированы советскими историками, либо создают новые мифы, столь же далёкие от научных взглядов»¹. Полученные В.И. Шишкиным результаты, в том числе введением в научный оборот нового корпуса документов, позволяют концептуально по-новому подойти к рассмотрению событий 1921 г., проследить судьбы участников восстания. Причины проведения политики репрессий и их реализация рассмотрены в других работах В.И. Шишкина.

Значительный вклад в исследование заявленной темы представляет монография С.А. Красильникова «Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930–е годы». Автор реконструирует события тех лет, показывая принципы проведения, механизм и этапы репрессивной политики в регионе по отношению к спецпереселенцам, подробно рассматривая практически все стороны их жизни – от депортации, расселения, занятия трудовой деятельностью и социально-бытового обеспечения до проявления акций протеста и сопротивления. Анализ положения ссылки в 1930-е гг. позволил С.А. Красильникову сделать вывод о постепенном изменении её характера – с «социально-политической» на «территориально-этническую», что было связано с изменением контингентов ссылаемых в регион по причине очередной смены векторов: трудпоселенцев стали заменять спецпоселенцами-депортированными. В целом же к концу 1930-х гг. ссылка претерпела значительные изменения – поселенцам была предоставлена большая хозяйственная самостоятельность, их хозяйства окрепли, в положительную сторону изменилась демографическая ситуация, был снят контроль по линии НКВД – вся производственная, социально-бытовая и культурная инфраструктуры перешли в ведение гражданских властей, отдельным категориям были предоставлены права, связанные с получением возможности выезда с места поселения, например на учёбу, и т.д.

Деятельности чрезвычайных органов – политотделов МТС и совхозов страны, без анализа функционирования которых невозможно объективно оценить многие аспекты, связанные с ликвидацией зажиточной части крестьянства и колхозным строительством в Сибири, посвящены работы С.В. Медведевой, В.А. Демешкина, А.С. Шевлякова и др. историков

¹ Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж 1921 г. : достижения и искажения российской историографии. С. 129.

региона. Авторы, не будучи скованными рамками идеологических установок, характерных для освещения событий тех лет советской исторической наукой, смогли показать новые, малоизученные стороны деятельности политотделов по подавлению сопротивления крестьянства, проведению насильственной коллективизации и т.д., т.е. их участие в организации и реализации на практике карательных-административных акций.

Отдельные вопросы и направления репрессивной политики на территории Сибири получили освещение в журнале «Гуманитарные науки в Сибири» (Серия: Отечественная история), в работах Н.Я. Гущина, С.А. Красильникова, Т.Н. Осташко и др. исследователей. Несомненный интерес представляет и сборник научных трудов «Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.)» (Новосибирск, 1994), в котором представлены результаты научной проработки вопросов, связанных с положением представителей различных групп интеллигенции Сибири в условиях тоталитарного режима и проводимой по отношению к ним политики преследований и репрессий.

Национальному аспекту репрессий в Сибири посвящены работы В.А. Ханевича, Л.П. Белковец, В.И. Бруля, А.И. Савина и др. авторов. Публикации Л.П. Белковец, написанные на основе глубокого анализа документов архивов органов государственной власти, позволяют понять суть репрессий большевистского руководства региона против граждан немецкой национальности. А.И. Савину удалось выявить значительный пласт ранее неизвестных архивных документов, также посвящённых репрессиям против немецкой диаспоры, проживавшей в Западной Сибири. В.А. Ханевич, не будучи профессиональным историком, проявил настойчивость в поисках очевидцев событий тех лет, а также документов, имевших отношение к репрессиям против представителей польского населения, проживавшего в границах нынешней Томской области.

С учётом специфики Западной Сибири как одного из «востребованных» большевистским руководством страны регионов по организации ссылки спецконтингентов из числа «бывших», «политических оппонентов», «кулачества» и иных категорий населения интерес представляют работы, связанные с организацией деятельности пенитенциарной системы в регионе. Вопросам становления и развития УИС на территории Западной Сибири посвящены работы Л.И. Гвоздковой, А.С. Кузьминой, Т.И. Солодкой, О.А. Белоусовой, В.Н. Уйманова и др. Авторы рассматривают этапы развития УИС в период с 1917 по 1941 г., анализируют наличие и состояние мест лишения свободы, их виды и режим содержания заключённых. Анализируются аспекты занятости отбывавших наказание лиц физическим трудом, развития производственных мощностей в местах лишения свободы и их специализация. Ряд диссертационных исследований позволил изучить структуру, экономическую составляющую и состав контингента лагерей ГУЛАГа. К сожалению, в докторской диссертации Л.И. Гвоздковой, защищённой на основе

монографии «История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе»¹, присутствует многостраничная компиляция информации из книги И.Н. Кузнецова «Знать и помнить»² с переносом всех ошибок и искажений. Кроме того, Л.И. Гвоздкова, рассматривая тему ИТЛ на территории Кузбасса, использует терминологию и определения, не позволяющие профессионально характеризовать описываемые события³.

В эти годы заметно увеличилось число работ, в том числе и в регионе, освещавших историю органов госбезопасности. Многие из них повторяли сюжеты ранее изданных книг либо трактовали события с позиций историков советского периода, умалчивая о роли этих органов в проведении незаконных репрессий. Но целому ряду публикаций уже присущ предметный и более объективный рассказ о событиях тех лет.

Несколько десятков работ, в том числе три монографии, по истории репрессий были опубликованы в конце 1990-х – 2000-х гг. А.Г. Тепляковым. Автор выявил в архивах, в частности Новосибирского УФСБ, обработал и опубликовал сотни свидетельств репрессивной политики Советского государства. Он создал картотеку на несколько тысяч сотрудников репрессивных органов, которая позволила провести анализ их социального, национального и политического состава. Вместе с тем, не будучи посвящённым в профессиональные особенности их деятельности, автор допустил ряд бездоказательных суждений. Так, он пишет, ссылаясь на работу Н.В. Петрова⁴, об уничтожении в середине 1950-х и в начале 1990-х гг. миллионов дел, «включая и сотни тысяч архивно-следственных, подлежащих постоянному хранению»⁵. Эта информация не соответствует действительности, поскольку ни о каком уничтожении таких дел речь никогда не велась. Касаясь вопросов оперативно-служебной деятельности, А.Г. Тепляков также допускает предположительные оценки и суждения, не подкреплённые проверенными фактами⁶.

Наличие обширной литературы по теме массовых репрессий привело к тому, что она сама стала объектом историографического анализа. Так, С.В. Денисов исследовал основные подходы к изучению проблемы массовых репрессий конца 1920-х – начала 1940-х гг. в публикациях, увидевших свет к началу 1999 г. и в той или иной степени затрагивавших вопросы сущности, причин и целей репрессий, определения их хронологических рамок, периодизации и масштабов. Число таких работ составляло, по его подсчётам, около двух тысяч.

¹ Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса: дис. ... д-ра ист. наук. 1997.

² Кузнецов И.Н. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30–х годов). Томск, 1993.

³ Более полный анализ работ И.Н. Кузнецова и Л.И. Гвоздковой содержится в статье: Уйманов В.Н. История – наука точная... С. 210–218.

⁴ Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005. С. 161.

⁵ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 21.

⁶ Там же. С. 33, 36, 67, 130.

В изданной в Абакане монографии М.Г. Степанова также анализируется литература по различным аспектам массовых репрессий, в том числе имеющим отношение к событиям в Западной Сибири. Проработка «местных» архивов, по его мнению, позволит внести окончательную ясность в проблему выяснения числа жертв репрессий на региональном уровне. Не в полной мере, по его мнению, ещё изучены вопросы сопротивления режиму, репрессий против сотрудников ОГПУ–НКВД. Отсутствие устоявшейся позиции относительно хронологических рамок массовых репрессий, недостаточная степень взаимодействия между историческими исследованиями и достижениями социальных и гуманитарных наук также не способствуют более глубокой проработке темы.

Следует заметить, что не все исследователи советского периода отечественной истории признают проведение политики репрессий в годы сталинизма. В их числе В.В. Кожин, Ю.И. Мухин, Ю.Н. Жуков, В.М. Жухрай и др. Часть из них полагает, что материалы, освещающие вопросы организации и проведения репрессий, в том числе и по количеству жертв, сфальсифицированы М.С. Горбачёвым и теми, кто стремится предать забвению достижения Советского государства. Другие оправдывают проведение репрессий либо их организатора И.В. Сталина. Так, В. Суходеев и Б. Соловьёв в отношении репрессий периода Большого террора писали: «Нужно считаться и с тем, что только жестокие формы возмездия могли устрасить оголтелых врагов, заставить их отказаться от подрывной деятельности. Террор против врагов является мерой защиты». Слово враги не взято в кавычки, хотя к ним отнесены те, кто таковыми не были по сути. Они оправдывают чистки в армии, в этом их поддерживает В. Суворов.

Работы отдельных авторов выпущены многотысячными тиражами, ими завалены прилавки всех точек, торгующих печатной продукцией. Не отстают и электронные СМИ: например на сайте <http://www.greatstalin.ru> одновременно открывается до 40 материалов по вопросам репрессий. Все они оправдывают их проведение, обеляют роль И.В. Сталина и его окружения в организации репрессивной политики, подвергают сомнению число жертв массовых репрессий и т.д. Причём поток «новых открытий», к сожалению, не уменьшается.

Освещение темы репрессий практически всегда неразрывно связано с вопросами реабилитации незаконно репрессированных. Государство неоднократно на протяжении почти шестидесяти лет начинало кампании реабилитации жертв репрессий, но всякий раз останавливалось, не завершив эту миссию. Многие из названных работ в той или иной степени затрагивают вопросы, связанные с возвращением доброго имени пострадавшим от сталинской репрессивной политики. Теме реабилитации посвящён ряд диссертационных исследований – Ж.А. Рожнёвой, И.Н. Кузнецова, В.В. Онищенко, А.Г. Петрова и др. Однако в большинстве этих работ рассматриваются отдельные социальные или национальные группы населения,

судьбы конкретных лиц. Кроме того, практически все они написаны на основе архивных документов органов госбезопасности регионов, при этом значительный массив документов, хранящихся в других архивах, не используется.

Таким образом, можно констатировать, что отсутствие идеологических установок и ограничений позволило современным исследователям историографии темы массовых репрессий в СССР осветить достаточно большой круг вопросов, обращение к которым ранее было практически невозможно вследствие «идеологической нецелесообразности» и отсутствия востребованности со стороны партийно-советского руководства страны, закрытости архивов и т.п. Получение доступа к информации позволило раскрыть многие аспекты преступной политики государства по отношению к своим согражданам, выявить причинно-следственные связи происходивших в те годы событий и их последствия для развития советского общества, понять сущность политики руководства КПСС, направленной на сохранение установленного режима.

По мере расширения хронологических рамок периода репрессий менялись и приоритеты при изучении репрессий. Первоначально интерес вызвали вопросы, связанные с установлением численности жертв репрессий и судеб отдельных известных представителей советского общества, репрессированных в те годы. Предпринимались попытки установления непосредственных организаторов и исполнителей политики репрессий. После реабилитации участников крестьянских восстаний периода 1920-х гг. в сферу интереса исследователей попали представители различных социальных групп крестьянства. Расширение источниковой базы позволило начать исследование вопросов национальной, социальной, партийной принадлежности репрессированных, участия в репрессиях органов государственной власти и др.

Несмотря на, казалось бы, значительное число работ, посвящённых теме массовых репрессий в СССР и реабилитации их жертв, многие вопросы остаются недостаточно исследованными. До сих пор не определены точное количество жертв репрессий в отдельных регионах страны, в том числе в Западной Сибири, их социальная, национальная и партийная принадлежность, не выявлены до конца особенности проведения репрессивных акций в различные временные отрезки, условия формирования и использования властью пенитенциарной системы региона и др. В недостаточной степени исследованы вопросы, связанные с нормативно-правовыми (ведомственными – органов НКВД, прокуратуры, суда и т.д.) аспектами организации и проведения репрессивной политики, с кадровым составом правоохранительных органов (например, нуждаются в выяснении причины частой смены руководства) и др. Специального рассмотрения требует организация многоаспектной работы по реабилитации – возмещение материального ущерба пострадавшим, выполнение материальных

обязательств государства перед пострадавшими от репрессий, в частности, по предоставлению льгот без каких-либо ограничений, увековечение памяти жертв репрессий и др.

Целью представленного исследования является выявление места, роли, механизма и масштабов массовых репрессий и реабилитации их жертв в системе управления обществом и Советским государством на материалах Западной Сибири.

В качестве основных **задач** исследования определены:

- характеристика социально–политического и экономического положения Западно-Сибирского региона в 1919–1941 гг.;
- рассмотрение репрессий как мобилизующего фактора политики Советского государства на региональном уровне в условиях социальной реконструкции общества;
- установление причин и особенностей ужесточения репрессивной политики государства на пути построения социализма;
- раскрытие сущности процесса активизации массовых репрессий и его проявлений в Западной Сибири в конце 1920-х – 1930-е гг.;
- выявление общего и особенного в механизме партийно-политического и государственного руководства осуществлением репрессий в советском обществе;
- анализ динамики репрессий и их особенностей в Западной Сибири;
- раскрытие форм и методов следственного процесса на основе анализа архивно-следственных дел репрессированных в Западно-Сибирском регионе;
- наличие зависимости системы и принципов вынесения наказания репрессируемым от изменений политического курса государства;
- условия содержания, трудоустройства и быта заключённых и спецконтингентов, их ужесточение по мере развития и укрепления Советского государства;
- определение количественных показателей жертв репрессий в Западной Сибири, их национальной, социальной, партийной принадлежности и т.д.;
- реабилитация как процесс смены вектора в политике партийно-советского руководства;
- выявление причин и условий цикличности деятельности партийно-советских и правоохранительных органов в работе по реабилитации на примере организации и проведения этой работы в регионе;
- определение количества реабилитированных в Западной Сибири.

Объектом исследования является политика Советского государства, направленная на сохранение и укрепление установленного режима в условиях процесса модернизации путём организации и развёртывания системы насаждения страха, насилия и репрессий в целях подавления всякого инакомыслия и подчинения всех социальных слоёв и групп населения страны.

Предмет исследования – региональная политическая практика западно-сибирских партийно-советских и правоохранительных органов в период 1920–1941 гг. по подавлению реальных и потенциальных противников большевистского режима, по осуществлению массовых репрессий, а также реализации комплекса мероприятий по реабилитации жертв репрессий в условиях региона.

Хронологические рамки охватывают период с конца 1919 г. (ликвидация на территории Западной Сибири колчаковского режима) до настоящего времени. Следует заметить, что большевики прибегли к репрессиям сразу же после прихода к власти в конце 1917 г., однако в условиях Западной Сибири они не приняли характера массовых по причине скорой ликвидации советской власти в конце весны – летом 1918 г. Рассмотрение периода массовых репрессий ограничено июнем 1941 г. – началом Великой Отечественной войны, так как в последующий период, до середины 1950-х гг., репрессивная политика Советского государства претерпела значительные изменения и может стать предметом самостоятельного монографического исследования. Во-первых, массовые репрессии, характерные для 1930-х гг., были прекращены. Во-вторых, карательные структуры подверглись неоднократным реорганизациям, были упразднены внесудебные репрессивные органы. В-третьих, изменилась социальная база репрессируемых – были физически уничтожены или направлены в лагеря и под надзор репрессивных органов абсолютное большинство тех, кого государство относило к своим противникам. Репрессии преимущественно были связаны с различными нарушениями трудового законодательства, чему в немалой степени способствовало издание многочисленных указов и постановлений партийно-советских органов. В последующий период они получили ярко выраженную этническую направленность, что выразилось в массовых переселениях отдельных народов с мест постоянного проживания в отдалённые регионы. В-четвёртых, изменилась система вынесения приговоров, возросло количество приговоров, связанных с лишением свободы, а ВМН – расстрел – чаще всего применялся в отношении военнослужащих (дезертиров, изменников Родины, в том числе и мнимых из числа бывших в плену или окружении) и особо опасных уголовных преступников, осужденных за тяжкие уголовные преступления. Часть из названных аспектов была ранее рассмотрена автором в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Рассмотрение процесса реабилитации охватывает период с конца 1938 по 2012 г., что дало возможность выявить закономерности и цикличность этапов реабилитации жертв массовых репрессий в зависимости от политического курса, проводимого в СССР и Российской Федерации.

Географические рамки исследования охватывают территорию Западной Сибири в современных границах Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей и Республики Алтай. В 1920-е – 1930-е гг. все эти субъекты практически

представляли единое целое в рамках Сибирского, а затем Западно-Сибирского края. В отдельных случаях исследуемые материалы относились к соседним регионам, в частности к Красноярскому краю, Тюменской и Иркутской областям, северным районам Казахстана (в современных границах).

Методологическая основа. В основу исследования положен модернизационный подход, в соответствии с которым исторический процесс рассматривается как поступательное стадийное развитие человеческого общества. Такой подход позволяет объяснить причины, определить место и роль массовых репрессий в истории Советского государства. Репрессии происходили в период становления и господства тоталитарного режима власти, явившегося своеобразным ответом на исторические вызовы, с которыми столкнулась страна в XX столетии. Главные из них заключались в необходимости преодоления отставания России от стран Запада в социально-экономическом развитии, в продолжении начавшейся ещё задолго до прихода большевиков к власти модернизации с целью перехода от аграрного общества к индустриальному.

Большевистское руководство страны, многие представители которого прожили долгие годы в эмиграции в развитых странах, понимало, что без скорого и мощного рывка, в первую очередь индустриального, достигнутая в Октябре 1917 г. победа не может быть окончательной. Надежды на мировую революцию стали угасать уже в первой половине 1920-х гг. В результате большевистская модернизация осуществлялась форсированными темпами, в соответствии с жёсткими идеологическими установками, охватив в первую очередь сферу экономики. Основным стал путь насильственной мобилизации общества на достижение поставленных целей, в том числе и через применение репрессивных мер. Преобразования носили революционный характер. Нанесение «удара» по крестьянству привело к его расслоению и последующему противостоянию, что ярко проявилось в годы коллективизации, позволив уничтожить его зажиточную часть и разрушить устоявшуюся десятилетиями систему взаимоотношений на селе. Сотни тысяч крестьян были «мобилизованы» на решение задач индустриализации.

В этих условиях проведение репрессий в стране преследовало несколько целей. Репрессивная политика первой половины 1920-х гг. была направлена на уничтожение противников большевиков из числа представителей прежнего режима и отдельных социальных групп, могущих представлять угрозу. Со второй половины 1920-х гг. и до начала Великой Отечественной войны действовала «мобилизационная» составляющая их проведения. При этом главной целью оставалось сохранение власти и установленного в стране режима, что достигалось ужесточением репрессий и нагнетанием обстановки всеобщей подозрительности и страха.

Путь массовых репрессий, избранный большевиками, не был чем-то новым в истории. Репрессии присущи политике многих государств, проявляясь в ограничении прав и свобод, притеснении и даже физическом уничтожении политических оппонентов и представителей отдельных социальных групп населения. Однако в СССР последняя составляющая репрессий многократно превысила подобные акции в других странах.

В современной исторической науке и публицистике авторами активно используются термины «массовые репрессии», «массовые политические репрессии», «политические репрессии». Во многих случаях эти формулировки рассматриваются как своего рода синонимы. Однако данные определения имеют смысловую нагрузку, заметно различающуюся по характеру, социальной направленности и масштабам.

Согласно Большой советской энциклопедии, **репрессия** (от лат. *repression*) – карательная мера, наказание, применяемое государственными органами. Ст. 1 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» определяет, что «**политическими репрессиями** признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные заведения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решению судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами». Закон дал расширительное толкование этого термина и понятия, хотя политические репрессии предполагают именно преследование по политическим мотивам, что было характерным прежде всего для периода Гражданской войны и первых лет советской власти, когда велось подавление, вплоть до физического уничтожения, представителей сил, являвшихся политическими противниками и оппонентами большевиков.

Термин и понятие «массовые репрессии» обычно связывают с периодом 1930-х – начала 1950-х гг., с именем И.В. Сталина, что добавок подкреплено юридическим определением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Между тем по Указу Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» начало периода массовых репрессий отнесено к середине 1920-х гг., а сами репрессии определены как «надругательство над честью и самой жизнью соотечественников... Тысячи людей были

подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие были истреблены. Жизнь их семей и близких была превращена в беспросветную полосу унижений и страданий. Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми». Массовые репрессии осуществлялись большей частью внесудебными органами, хотя и в судах попирались нормы судопроизводства. В этом определении содержится суть явления, связанного с произволом по отношению к населению страны.

В проведении целенаправленной политики большевистское руководство страны, стремясь добиться нужного результата через мобилизацию масс, использовало все возможные способы. На начальном этапе социальной реконструкции общества это было подавление на основе политических акций, осуществляемое через ревтрибуналы, суды, общественные кампании, направленные против неугодных. Начиная с конца 1928 г. на протяжении десятилетия активно использовались политические процессы, срежиссированные партийно-советским руководством во главе с И.В. Сталиным. В иных случаях, когда политическая подоплёка не была надёжно подкреплена «фактическими данными» или не соответствовала складывавшейся ситуации, власть использовала рычаги экономического или внеэкономического принуждения, в дело «вступали» правовые институты уголовного характера (ст. 61, 107, 109, 111 и др. УК РСФСР, закон от 7 августа 1932 г. о «трёх колосках», указы по преследованиям за нарушение трудовой дисциплины и др.). Не будучи политически «окрашенными», они изначально предполагали реализацию политической цели и воли большевистского руководства страны. Наличие вины не было определяющим фактором в данном случае.

Таким образом, понятие «массовые репрессии» шире понятия «политические репрессии», так как затрагивало в процессе их реализации не только политических оппонентов большевиков, а практически все слои и социальные группы населения страны, вне зависимости от пола и возраста. Понятие «массовые репрессии» можно определить, как проведение большевистским руководством страны политики массового преследования различных социальных групп населения, независимо от их национальной, религиозной либо классовой принадлежности, через систему правовых, исполнительных и «внесудебных» органов власти.

В качестве общенаучных методов в работе использованы анализ и синтез, метод классификации, сравнение и аналогия. Главными принципами исследования явились принципы объективности, историзма, системного подхода к рассмотрению исторических событий. Принцип научной объективности предполагает проведение полного и всестороннего анализа совокупности фактов, относящихся к рассматриваемым явлениям и процессам в конкретный период времени. По этой причине многие из описываемых событий, связанных, например, с преследованиями представителей отдельных социальных групп из числа «чуждых» режиму

лиц, реализацией установок на проведение кампаний и операций по репрессированию, в том числе и по национальному признаку «враждебности», рассматривались на основе анализа установок партийно-советского руководства страны, конкретных приказов и указаний правоохранительных структур, сопоставления различных отчётных документов. Принцип историзма предполагает рассмотрение репрессивной политики Советского государства в контексте конкретно-исторических событий в стране и регионе в исследуемый период с учётом их взаимосвязи и взаимозависимости. Принцип историзма позволил рассматривать массовые репрессии как закономерный итог всей деятельности партии большевиков по уничтожению своих классовых и политических противников, по установлению, развитию и укреплению режима власти, основанного на деятельности одной партии с жёсткой централизацией выстроенной системы управления всеми сторонами жизни страны и подавления всякого инакомыслия и несогласия с проводимой этой партией политикой.

Использование системного подхода как совокупности методов и средств исследования отдельных процессов и объектов, связанных с организацией и проведением политики массовых репрессий, участием в них партийно-советских и правоохранительных органов, даёт возможность вести речь о наличии ряда взаимосвязанных подсистем единой репрессивной системы большевистского режима в СССР, позволяет установить наличие системной связи между политикой, проводимой большевиками в годы Гражданской войны и в последующие десятилетия. Иначе говоря, можно констатировать наличие единства в принципах, формах и методах управления государством, как в «эпоху Ленина», так и в «эпоху Сталина». И.В. Сталиным было только развито и доведено до более высокого уровня организации и воплощения на практике всего из задуманного В.И. Лениным, например, в части подавления всякого сопротивления режиму власти, в установлении строжайшей дисциплины во всех сферах жизни общества и требования неукоснительного соблюдения её, в противопоставлении интересов личности и государства в пользу последнего. Системная связь проявляется в реорганизации доставшейся от самодержавия пенитенциарной системы и её дальнейшем развитии Советским государством. Уместно вести речь и о наличии системной связи между процессами развёртывания коммунистическим руководством страны кампании массовых репрессий и последующей реабилитацией её жертв.

Вышеизложенное позволяет рассматривать сложившийся в СССР в 1920–1930-е гг. политический режим как многофакторную социальную систему в совокупности её особенностей.

К числу специально-научных методов следует отнести историко-сравнительный, историко-генетический, статистический и логический методы анализа. Их применение позволило выявить и проанализировать причинно-следственные связи организации и

изменений при проведении репрессивной политики большевистским руководством страны, определить механизм перестройки деятельности карательных органов в сторону ужесточения проводимой политики репрессий, отход от соблюдения принципов законности в повседневной деятельности в угоду исполнению установок правящей верхушки большевистского режима. При обработке фактического материала использовались количественные методы, что привело к составлению ряда таблиц, позволяющих полнее и нагляднее представить происходившие в стране процессы и явления. При рассмотрении отдельных документов, имевших важное значение для исследования заявленных в диссертации вопросов, применялся контент-анализ.

Методы социологии и социальной психологии дали возможность рассмотреть и выявить закономерности в поведении и деятельности представителей отдельных социальных и профессиональных групп, например «бывших», политических оппонентов, сотрудников репрессивных органов, мотивы их поведения в зависимости от условий возникшего в период их деятельности социального взаимодействия с им подобными индивидами. Использование биографического метода позволило проследить их жизненный путь, что оказалось немаловажным для выделения конкретных черт личности, определивших их поступки и действия в складывавшихся условиях и конкретных ситуациях.

Комплексное использование названных методов позволило решить поставленные в диссертационном исследовании задачи.

Источниковая база представлена опубликованными и архивными, в том числе впервые вводимыми в научный оборот, документами. В исследовании использовано более 50 сборников документов, а также Книг Памяти жертв политических репрессий, изучены документы и материалы 24 фондов Государственных архивов Алтайского края, Новосибирской и Томской областей, 6 фондов Центра документации новейшей истории Томской области и 6 фондов УФСБ РФ по Новосибирской и Томской областям, УМВД Томской области¹.

Использованные источники можно разделить на несколько групп. К первой следует отнести законодательные и нормативно-правовые документы – официальные решения вышестоящих партийно-советских и правоохранительных органов, приказы, директивные письма, циркуляры, указания и т.п., изучение которых позволяет оценивать официальную точку зрения на складывавшуюся в стране и регионе в рассматриваемый период ситуацию. Особую группу составляют совместные постановления партии и правительства. Будучи подзаконными актами, они получили распространение в 1920–1930-е гг. в связи со сращиванием партийного и

¹ Использовались фонды прокуратуры Новосибирской области (1922 г. – н. вр.), отдела юстиции Сибревкома, Новосибирского единого губревтрибунала Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК (1920–1922 гг.), Сибирской краевой инспекции мест заключения (1922–1925 гг.), Томского губревтрибунала (1920–1922 г.), штаба командующего частями особого назначения Томской губернии (1920–1924 гг.), Нарымского окружного суда (1932–1944 г.), Томских губкома и окружкома РКП (б), архивно-следственных дел УФСБ РФ Новосибирской и Томской областей, УМВД Томской области, личных дел сотрудников УФСБ Томской области и др.

государственного аппаратов. Эти документы подкрепляли партийные решения, директивы и указания государственными решениями. Ещё одной группой подзаконных актов стали документы силовых структур, в первую очередь органов госбезопасности и Прокуратуры, многие из которых имели грифы «секретно», «совершенно секретно», «особой важности», но были обязательными для исполнения органами власти и населением¹.

Ценность названных документов в том, что в них содержалась характеристика обстановки в связи с тем или иным событием или кампанией. Она давалась как в констатирующей, так в резолютивной частях таких документов. Стоит отметить, что если документы правоохранительных органов носили предметный характер с конкретизацией задач и установками по механизму их решения для собственных подразделений, то документы партийных органов были преимущественно декларативными. Излагаемые в них материалы-указания касались всех структур, имевших или могущих иметь отношение к рассматриваемому вопросу, что подтверждало подчинённость всех структур, в том числе и правоохранительных, партийным органам.

На протяжении 1990-х – 2000-х гг. был издан ряд сборников материалов и документов, в которых нашла отражение репрессивная политика большевиков по отношению к «политическим оппонентам», бывшим в недалёком прошлом союзниками в борьбе с самодержавием².

Законодательная база периода постсоветской России представлена Законами и Указами Президента РФ, преимущественно по вопросам реабилитации жертв политических репрессий периода 1920-х – начала 1950-х гг. Особый интерес представлял сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации, в том числе ведомственных актов и указаний, ранее не публиковавшихся по причине их секретности.

Отдельную группу источников представляют документы по различным направлениям деятельности КПСС – материалы съездов, пленумов, конференций, служебной переписки, в том числе с правоохранительными органами. Они отражают суть политических процессов в советском обществе, демонстрируют изменения курса государства в зависимости от ставившихся задач, показывают роль и место идеологического аппарата партии в формировании общественного мнения по отношению к «врагам народа», позволяют

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1979; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, янв. 1922 – дек. 1936. М., 2003; Лубянка – Старая площадь. Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях в 1937–1990 гг. в СССР. М. : Посев, 2005; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. М. : РОССПЭН, 2000–2005 и др.

² Меншевицкий процесс 1931 года : сб. докум. в 2 кн. М., 1999; Меншевики в большевистской России. 1918–1924 / Меншевики в 1921–1922 гг. М., 2002; Меншевики в большевистской России. 1918–1924 / Меншевики в 1922–1924 гг. М., 2004; Правозероковский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г.: Стенограмма судебных заседаний: в 14 т. Т. 1 и 2. М., 2011 и др.

рассмотреть «политическое лицо» многих из тех, кто виновен в развязывании политики репрессий, в деформации морально-нравственных принципов общественной жизни.

К источникам, имевшим прямое отношение к вышеназванной группе, можно отнести подготовленные группой М.Н. Рютин в начале 1930-х гг. программу «Сталин и кризис пролетарской революции» и «Обращение ко всем членам ВКП (б)», которые достаточно объективно вскрывают преступный характер политики большевистского руководства страны против собственного народа. В них содержится анализ состояния дел и положения в стране, звучит резкая критика в связи с провалами в развитии промышленности, «ограблением сельского населения», хаосом в организации внутренней торговли, очковтирательством в планировании.

К следующей группе источников следует отнести делопроизводственные документы управленческого характера. Так, информационные документы с мест представлены в форме отчётов, докладных и информационных записок, обзоров и сводок, что было характерным для чекистских органов и милиции. Они содержат большой объём фактической информации и представляют собой ответную «реакцию» на поступившие распорядительные документы либо инициативное информирование, часто со статистическими данными и показателями. Сводки были «срезом» получаемой оперативной информации, позволявшей оценивать складывавшуюся ситуацию и принимать управленческие решения. Их анализ даёт возможность отследить многие процессы в развитии, понять причинно-следственные связи, приводившие к изменению этих процессов и явлений. Но необходимо учитывать, что они подлежат более тщательному изучению и перепроверке, так как иногда, в целях получения более благоприятной оценки собственной деятельности или в угоду поступившему «социальному заказу», информация в них усиливалась или, наоборот, сглаживала ситуацию.

К этой группе источников следует отнести подготовленные историками Западной Сибири сборники документов партийно-советских и правоохранительных органов региона, посвящённые вопросам организации и проведения ими репрессивной политики против крестьянства, интеллигенции, отдельных национальностей и религиозных меньшинств.

Часть сборников вышла целыми сериями¹. Значительный интерес представляют сборники документов, посвящённых немецкому населению Западной Сибири, автором и составителем

¹ Сибирская Вандея: вооружённое сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997; Спецпереселенцы в Западной Сибири: в 4 т. Новосибирск, 1992–1996; Из истории земли Томской: в 8 вып. Томск, 1997–2002; Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932: сб. док. Новосибирск, 1999; Томские заморозки хрущёвской оттепели (Сборник документов и материалов). Томск, 2010 и др.

которых является А.И. Савин¹. Большинство сборников документов и материалов 1990–2000-х гг. сопровождаются квалифицированными комментариями.

В особую группу источников следует выделить архивно-следственные дела на репрессированных, отдельные документы из которых опубликованы². Нет сомнения, что многие материалы в них были сфальсифицированы. По этой причине отношение у различных исследователей к ним неоднозначное – от полного отрицания до необходимости пристального изучения. Обоснованной считаю позицию последних, так как целый ряд документов, содержащихся в архивно-следственных делах, представляет несомненную ценность, прежде всего анкеты, протоколы допросов, из которых можно получить достаточно полное описание жизни арестованного либо его «подельников» и «обличителей», представление о родственниках, круге знакомых, их социальном положении и т.д. Во многих делах хранятся личные документы арестованных, приобщённые в качестве вещественных доказательств, – документы, удостоверяющие личность, формулярные списки, фотографии, письма и т.п.

Уголовные дела по фактам «вредительства», особенно групповые, часто содержат многочисленные документы «доказательного» характера – статистические данные, планы развития, отчёты, графики, таблицы, объяснения арестованных, отражавшие реальную ситуацию и положение дел на предприятии, в организации или отрасли народного хозяйства, которые они представляли. Эти материалы позволяют составить представление о привлечённом к ответственности, например, о его социальном положении, выявить причинно–следственные связи арестов участников «вредительской» группы.

Не меньший интерес представляют материалы служебной переписки, хранящиеся в архивно-следственных делах, связанные с судьбами осужденных, вопросами их реабилитации. Многие из них содержат информацию о нормативно–правовой базе по проведению репрессивных акций, о формах и методах ведения следствия. В делах встречаются материалы прокурорских проверок в случае имевшего место пересмотра дела, предполагавшие использование оперативных учётов органов госбезопасности и милиции, направление запросов в различные инстанции и архивы, проведение следственных действий по допросу участников, свидетелей, в отдельных случаях – экспертиз. В них часто хранятся документы, связанные с судьбами сотрудников органов, имевших отношение к фигурантам дела, отражающие их служебный путь, материалы служебных проверок, возможное привлечение к уголовной ответственности и др. Ярким примером использования материалов архивно-следственных дел

¹ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е гг. : аннотированный перечень архивных документов и материалов... Новосибирск; СПб., 2006; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграции и репрессии... Новосибирск, 2009.

² 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. Томск ; М., 2004; Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул, 2005; «Руководствуясь революционной совестью...»: сб. док. по истории Алтайской губЧК 1919–1922. Барнаул, 2006 и др.

стал выход в 2010 г. в серии «История сталинизма» сборника документов¹ с материалами о проводимой в Алтайском крае операции по оперативному приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. по «репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

В качестве отдельного, по сути своей нового источника информации выступают Книги Памяти жертв политических репрессий, издание которых было начато в стране в 1991 г. Инициаторами их создания стали сотрудники Томского управления КГБ. В целях распространения их опыта Агентством федеральной безопасности России 4 ноября 1991 г. был издан специальный приказ № 13, отметивший положительный опыт Томского УКГБ и рекомендовавший его к распространению. Кроме публикации установочных данных на репрессированных, во многих из них содержится информация о дате ареста и осуждения, характере предъявленного обвинения и судьбе каждого из репрессированных. Практически все они насыщены документами – решениями и постановлениями партийно-советских органов всех уровней, копиями приказов, указаний, директив ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–КГБ СССР, архивными документами, выдержками из архивно-следственных дел, воспоминаниями, очерками и статьями по репрессивной политике с учётом региональных особенностей.

В процессе подготовки исследования были использованы созданные на основе применения средств вычислительной техники автоматизированные базы данных органов госбезопасности Томской (разработана и создана автором) и Кемеровской областей, Республики Алтай и Управления архивного дела Администрации Алтайского края с информацией о репрессированных жителях названных субъектов (всего на более чем 90 тыс. чел.). Созданная в Томске база данных была первой, автор принимал непосредственное участие в разработке вопросника по позициям, требовавшим заполнения, в сборе и обработке информации из архивно-следственных дел, переносе информации в ЭВМ, в её ведении и поддержании. Названные базы данных следует отнести к числу источник-ориентированных, так как они были созданы на основе описания единого фонда архивно-следственных дел. Они позволили упорядочить огромное число первичных данных, использование которых даёт возможность получить достоверную информацию о количестве жертв репрессий в этих регионах, провести ряд статистических исследований. Результаты их обработки дали возможность выявить закономерности в подходе сотрудников органов ГПУ–ОГПУ–НКВД к выполнению установок руководства страны по организации и проведению репрессий. В настоящее время отдельные

¹ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.

исследователи ведут речь об этих базах данных как новом формирующемся источнике¹. Более того, их наличие является определённой гарантией сохранения материалов, пусть и в усечённом виде, от утраты или повреждения при различного рода техногенных и природных катаклизмах, в силу их ветхого состояния, воздействий, связанных с пересылками в другие организации (по вопросам пересмотра, ознакомления родственников, научных исследований и т.д.)².

В работе широко использованы материалы периодической печати: центральные, краевые и областные газеты, содержавшие официальные материалы партийно-советских органов, речи и статьи, отчёты о судебных заседаниях процессов над «врагами народа» и т.д. Несмотря на то что эти материалы являются недостаточно надёжным источником из-за их целевого предназначения, всё же многие из них содержат информацию о конкретных событиях и процессах, не учитывать которые было бы неправильным. А многие материалы местной печати дают точные оценочные характеристики и достаточно правдивое изложение фактов, так как партийные «цензоры» низших уровней партийной вертикали не всегда могли «откорректировать» материал в «правильном» направлении по причине малограмотности и неопытности.

Важным источником информации послужили воспоминания, дневниковые записи, письма участников событий. Чаще всего для них характерно описание отдельных событий и эпизодов, так или иначе связанных с личным участием авторов, с их переживаниями. Будучи плодом собственного осмысления, часто без понимания причинно-следственных связей произошедшего, эмоционально «окрашенные», они, тем не менее, позволяют понять и оценить многие события тех лет в стране с позиций рядового гражданина. Переписка автора с родственниками и узниками сталинских лагерей позволила получить информацию, раскрывавшую обстановку тех лет, полнее выявить формы и методы оперативно-следственной работы органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, условия содержания в местах лишения свободы.

В целом наличие значительного числа источников по теме исследования позволило реализовать поставленные цели и задачи. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на их специфические особенности. Во-первых, многим присущи отрывочность, фрагментарность информации. Во-вторых, целый ряд документов содержит противоречивую информацию, что требует значительных временных затрат для её проверки. В-третьих, массовые репрессии разноплановы и многосторонни, что не может не сказываться на объёме привлекаемых источников. Всё это вызывало сложности при отборе, изучении и анализе большого количества

¹ См.: Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М., 2011; Он же. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник. См.: История сталинизма: репрессированная российская провинция... С. 41–52.

² См.: Жданова Г.Д. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел // История сталинизма: репрессированная российская провинция : матер. Междунар. науч. конф. (Смоленск, 9–11 октября 2009 г.). М., 2011. С. 444–448.

информации. Но, с другой стороны, разнохарактерность привлечённых источников позволяет достичь высокой степени достоверности рассматриваемых аспектов массовых репрессий в Западно-Сибирском регионе и решении поставленных в диссертации задач.

Научная новизна. Данное исследование в указанных хронологических рамках с комплексным решением вопросов истории массовых репрессий и реабилитации проводится впервые. В научный оборот вводится значительный корпус новых исторических источников из государственных архивов субъектов Российской Федерации и ведомственных архивов органов ФСБ и МВД, материалов средств массовой информации.

На основе анализа выявленных документов рассмотрены роль и место партийно-советских и правоохранительных органов в организации и проведении массовых репрессий против представителей отдельных социальных групп населения, а также их взаимодействие в процессе реализации репрессивной политики.

Рассмотрение вопросов реабилитации продемонстрировало умение руководства страны использовать происходившие в стране изменения для достижения целей по управлению обществом, растянув процесс реабилитации на многие десятилетия.

Впервые в комплексе с другими источниками использованы автоматизированные базы данных репрессированных жителей ряда сибирских субъектов РФ. Результаты их обработки позволили конкретизировать информацию по репрессированным жителям Алтайского края, Кемеровской и Томской областей и Республики Алтай, устранить неточности, скорректировать выводы и заключения других исследований, базирующиеся на предположительных оценках. Использование статотчётов МВД России в работе по реабилитации позволило получить достоверную информацию по разным категориям репрессированных.

Интерес для исследователей и специалистов представляют данные о результатах работы органов МВД региона по реабилитации репрессированных в административном порядке граждан. Ранее данная информация была недоступной по причине её служебного характера.

Анализ собранных и обработанных данных позволяет ввести в научный оборот сведения, касающиеся национальной, социальной и партийной принадлежности, образовательного и возрастного уровней репрессированных в регионе. Рассмотрение результатов деятельности «внесудебных» органов даёт не только достаточно точное представление о числе жертв и применённых к ним мерах наказания, но и позволяет на примере изменения системы наказания проследить взаимосвязь этого процесса с событиями в стране и с принимаемыми руководством СССР решениями.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политика партийно-советского руководства носила целенаправленный характер по применению репрессивных мер в отношении представителей отдельных социальных групп,

прежде всего против так называемых бывших – офицерских кадров, «старых» специалистов, духовенства, а также политических оппонентов большевиков из числа иных политических партий и движений. Активное преследование названных категорий было одной из первоочередных задач чекистских органов на протяжении всего периода советской истории вплоть до начала Великой Отечественной войны в связи с отнесением их партийно-советским руководством страны к потенциальным противникам режима.

2. Репрессии были напрямую связаны с социально-экономическим и политическим развитием Западной Сибири. Подразделения пенитенциарной системы (Сиблаг) активно использовались в реализации на практике репрессивной политики по отношению к сосланным в регион крестьянам, представителям оппонировавших большевикам партий и лицам, осужденным по политическим мотивам. Участие названных спецконтингентов было первоосновой в решении задач социально-экономических преобразований в регионе при тяжелейших условиях их содержания, наличии многих проблем по трудоустройству и организации быта.

3. Массовые репрессии носили двойственный характер. Они являлись своеобразной реализацией политики мобилизации на достижение поставленных государством целей по социальной реконструкции страны. Решение задачи достигалось путём создания атмосферы страха и подавленности у населения, побочным же эффектом проводимой политики были подрыв и уничтожение наиболее дееспособной и активной части населения, последствия чего ощущаются до настоящего времени. Однако при всей неэффективности труда заключённых и спецпоселенцев регион был превращён в один из важнейших индустриальных центров страны. Репрессии являлись неотъемлемой частью целенаправленной политики по сохранению и укреплению установленного в стране режима.

4. Массовым репрессиям были подвергнуты представители менее половины из более ста наций и народностей, проживавших в Западной Сибири, вопреки утверждениям отдельных исследователей о проявлениях «великорусского шовинизма» по отношению к нерусскому населению. У отдельных многотысячных по составу коренных национальностей число репрессированных исчислялось единицами или несколькими десятками человек.

5. Политика Советского (а впоследствии и Российского) государства по реабилитации репрессированных была непоследовательной, налицо спад и свёртывание этой работы в масштабах страны. Роль и место правоохранительных органов Западной Сибири в организации работы по реабилитации были важнейшими на протяжении всех основных её этапов. Проведение полномасштабной кампании по реабилитации жертв массовых репрессий могло привести к дестабилизации обстановки в стране и создать угрозу для сохранения

установленного режима. Партийно-советское руководство страны использовало процесс реабилитации в качестве одной из мер по управлению обществом;

6. Работа по реабилитации в регионе привела к появлению новых подходов к увековечению памяти жертв репрессий (создание Книг Памяти, электронных баз данных репрессированных). Начатая в середине 1950-х гг., она не завершена до настоящего времени. Создание автоматизированных баз данных (автором впервые разработана и применена в исследовании методика создания и использования электронной базы данных репрессированных жителей Томской области) позволяет решить многие вопросы, связанные с количественными и качественными показателями жертв репрессий, что, в свою очередь, даёт возможность определить точное число репрессированных.

Практическая значимость. Полученные результаты и выводы могут быть использованы в учебно-научной работе – в процессе проведения научных исследований и преподавании учебных курсов (история, юриспруденция, политология, социология и др.), связанных с изучением истории России, деятельности партийно-советских и правоохранительных органов в условиях тоталитарного режима. Результаты исследований, связанных с деятельностью УИС России в исследуемый период, внедрены в учебный процесс ФКОУ ВПО Академия ФСИН России, Кузбасского и Пермского институтов ФСИН России, Вологодского института права и экономики ФСИН России и ФКОУ ДПО Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в работе исторических музеев и музеев политической истории, что уже нашло практическое применение в Томске, в практической деятельности по реабилитации и увековечению памяти жертв массовых репрессий, что также было реализовано в подразделениях органов госбезопасности и милиции региона в повседневной деятельности.

Кроме того, исследование исторического опыта Советского государства и однопартийной системы, связанного с организацией и проведением массовых репрессий против собственного народа, позволяют извлечь уроки из недавнего прошлого и выработать механизм для недопущения подобного в будущем, что является насущной потребностью при построении гражданского общества, предостережением для различного рода политических партий и движений.

Апробация работы. Основные результаты диссертации отражены в 21 публикации, в том числе: в пяти монографиях (две в соавторстве), семи статьях в журналах, рекомендуемых ВАК, статьях изданных в Москве, Новокузнецке, Томске. Основные положения диссертации были изложены в докладах и сообщениях автора на международных и российских научных конференциях (Санкт-Петербург, 1992 г., Нижний Тагил, 2002 г., Новосибирск, 2002 г., Томск, 1993, 2010 и 2011 гг.). Общий объём публикаций по теме диссертации – 114 п.л.

Основное содержание диссертации

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Всего 518 страниц. Список использованных источников (880 наименований) и литературы (576 наименований).

В первой главе «Социально–экономическая, политическая и оперативная обстановка на территории Западной Сибири (конец 1919 – 1941 г.)» рассматривается обстановка, сложившаяся в регионе в исследуемый период, и основные факторы, непосредственно связанные с развертыванием репрессивной политики в эти годы.

Первый раздел «Основные особенности экономической, политической и оперативной обстановки в регионе» содержит характеристику социально-экономического положения в Западной Сибири и его обусловленность проводимой большевистским руководством страны политикой (коллективизацией, раскулачиванием, массовым переселением крестьянских семей в отдалённые районы края и др.).

Нанесённый гражданской войной ущерб Сибири (до Байкала) составил около 4 млрд довоенных рублей. За период колчаковщины только на Алтае и в Омской губернии пострадали почти 30 тысяч крестьянских хозяйств, были истреблены и угнаны сотни тысяч голов скота. Основными потерями Сибири в эти годы стали человеческие ресурсы. В годы Первой мировой войны в Алтайской и Томской губерниях было мобилизовано более половины трудоспособных крестьян-мужчин. Всего на военную службу был призван каждый десятый житель региона, а возвратились по демобилизации немногим более четверти из них.

Политика «военного коммунизма» позволила большевикам удержаться у власти, но не способствовала выходу из кризиса, подъёму и развитию экономики. Принятие нэпа дало толчок подъёму народного хозяйства, в первую очередь сельскому хозяйству, полностью прекратилось вооружённое противостояние между крестьянством и властью. Однако нэп не мог разрешить всех проблем хозяйственного механизма, так как изменения в рыночной экономике были урезанными. На протяжении всех 1920-х гг. в регионе наблюдалась массовая безработица.

Всё это, с учётом сложнейшей социально-экономической ситуации в стране, выступало в качестве дестабилизирующих факторов, влиявших на обстановку в регионе. Важнейшее воздействие на ситуацию оказали начавшиеся в конце 1920-х гг. кампании по коллективизации сельского хозяйства и раскулачиванию, сопровождавшиеся разрушением уклада крестьянской жизни, разорением крепких крестьянских хозяйств и высылкой десятков тысяч «кулаков» с семьями в необжитые районы, в частности Нарымского края. У «кулаков» часто изымалось всё имущество вплоть до белья, обуви, кухонной утвари. Во многих случаях деятельность

активистов-«выселенцев» сопровождалась злоупотреблениями, произволом, грубостью, унижениями и насилием по отношению к семьям выселяемых.

Активное участие в этой кампании, выполняя указания Центра, приняли органы ОГПУ края, которые в этот период «вскрыли и ликвидировали» сотни кулацких группировок и организаций, подвергнув аресту тысячи «кулаков» и «бывших».

Спецпереселенцы расселялись в районах, практически непригодных для занятия сельским хозяйством – в таёжно-болотистой местности, в затапливаемых на долгие месяцы поймах рек. Выбор таких мест предполагал создание условий, которые бы делали невозможным их бегство с мест расселения. Крестьяне, не имевшие достаточного количества инструментов, не могли построить нормальное жильё и организовать быт. Тяжелейшие условия приводили к массовым заболеваниям и высокой смертности, особенно среди детей и стариков. Только в 1930–1931 гг. в северные районы края были переселены 42,5 тыс. «кулацких» хозяйств, или около 193 тыс. чел. Если на 1 января 1932 г. число спецпереселенцев в Западной Сибири составляло 265 846 чел., или 14,7 %, от общего числа спецпереселенцев в СССР, то на 1 декабря 1933 г. их уже числились 288 630 чел., 174 768 (60,55 %) из которых были расселены по северным комендатурам.

Допускавшиеся при раскулачивании и выселении беззаконие и произвол вызывали сопротивление со стороны зажиточной части крестьянства, проявлявшееся в «бабьих бунтах», «волынках», поджогах, порче сельхозинвентаря, убийствах и избиениях партийно-советских активистов. В ответ на этот протест следовало ужесточение репрессивных мер, создание органов внесудебной расправы, решения которых заменяли приговоры и отмене не подлежали.

Во втором разделе «Борьба с бандитизмом» рассматривается влияние на обстановку, особенно в 1920-е гг., такого социального явления, как бандитизм, условия и причины, способствовавшие его развитию. Бандитизм достиг такого размаха, что для борьбы с ним были привлечены органы ВЧК (ГПУ, ОГПУ) и ЧОН, так как милиция физически не могла справиться с ним по целому ряду причин. Например, из-за нехватки кадров в ряде городов региона на службу в милицию привлекались даже бывшие военнопленные. Милиционеры имели устаревшее вооружение, не обеспечивались пайками и вещевым имуществом, в абсолютном большинстве личный состав милиции не обладал минимальными профессиональными знаниями, умениями и опытом, многие были неграмотными.

Многие банды достигали численности в несколько десятков человек, были хорошо вооружены, вплоть до пулемётов, и действовали по несколько лет, будучи часто организованными по принципу родственных и личных связей. В целях ликвидации бандитизма большевистское руководство неоднократно добивалось объявления Сибири «неблагополучной по бандитизму», что позволяло применять чрезвычайные меры по отношению к бандитам,

обычно путём внесудебной расправы. Так, по итогам кампании с октября 1925 г. по январь 1926 г. были приговорены к расстрелу 741 чел., к заключению в концлагерь – 161 и к ссылке – 629 чел. Наименьшее число осужденных было в Славгородском (5), Барабинском (29), Каменском (43) и Рубцовском (50 чел.) округах. Но в ходе кампании с декабря 1926 г. по февраль 1927 г., общее количество обвиняемых составило уже 1 078 чел., из них расстреляны – 466 (43,2 %), заключены в концлагерь – 405 (37,5 %), приговорены к ссылке – 98 (9,1 %). В ряде округов число расстрелянных (по отношению к кампании 1925 г.) выросло от 24,2 % в Рубцовском до 85 % в Каменском.

Пополнению банд способствовало несовершенство пенитенциарной политики государства, предполагавшей применение мер, направленных на перевоспитание и «перековку» преступников. В этих целях для разгрузки мест заключения многие осужденные отпускались в отпуска на «полевые работы» сроком до трёх месяцев. Отдельные из них использовали эту возможность для побега и примыкания к бандам. Из отпусков не возвращался каждый двадцатый отпущенный, наибольшее число невозвращенцев приходилось на субъекты Сибири.

С конца 1920-х гг. наряду с уголовниками к бандам стали относить «кулаков» – участников протестного сопротивления против изъятия излишков хлеба и раскулачивания.

Анализ архивно-следственных дел ФСБ и МВД и материалов госархивов позволяет сделать вывод о преобладании в исследуемый период в Западной Сибири уголовного бандитизма. Политический бандитизм, предполагавший в качестве главной цели борьбу с советской властью, был представлен формированиями, во многом объединявшими «бывших», но должного развития не получил.

В третьем разделе «Подавление крестьянского сопротивления» представлены результаты исследования масштабов крестьянского сопротивления действиям большевистского руководства региона. Политика «военного коммунизма», предполагавшая систему ограничений и принуждений с принудительным уравниванием материального положения, у зажиточного крестьянства вызывала резкое недовольство. Особенно острая негативная реакция была на введённую развёрстку (более 30 видов сельхозпродукции): на зерно, овощи, мясо, кожи и т.д. Изъятие «излишков» сопровождалось принуждением и физическим воздействием со стороны членов «продотрядов» и сопровождавших их вооружённых дружин. «Потребности» губпродкомов в Сибири в 1921 г. обеспечивали 101 ревтрибунал и 15 выездных нарсудов. В распоряжении губпродкомов находились воинские формирования численностью в 9 350 штыков, в том числе 3 450 – в Омской, 1 150 – в Томской, 2 000 – в Алтайской губерниях. В их задачи входило сопровождение продотрядов при изъятии продуктов у населения, охрана ссыпных пунктов и т.п.

Продразвёрстка и творимый продотрядниками и представителями власти беспредел стали причинами многих вооружённых выступлений крестьян. В ряде из них, как, например, «Западно-Сибирском» приняли участие десятки тысяч человек. Действия сторон сопровождалась жестокостью, но число жертв со стороны восставших всегда многократно превышало потери советской стороны. Для подавления восстаний привлекались регулярные части Красной армии, иногда с артиллерией и бронепоездами, части особого назначения, подразделения ВЧК (ГПУ, ОГПУ) и милиции, сводные вооружённые отряды из партийно-советского актива.

Новый подъём крестьянского сопротивления начался в конце 1920-х гг. и был связан с кампаниями по хлебозаготовкам, коллективизации и раскулачиванию. От выступлений начала 1920-х гг. они отличались тем, что были сравнительно немногочисленными, менее массовыми, более локальными. В 1930 г. произошли Муромцевское восстание с числом участников более полутора тысяч человек, охватившее 28 населённых пунктов, и в Уч–Пристанском районе, которое подготовил и возглавил сотрудник Бийского окротдела ОГПУ по этому району Ф.Г. Добытин. В 1931 г. восстали спецпереселенцы в Чаинском районе, ещё одно выступление произошло в Чумаковском районе. Все выступления были подавлены в кратчайшие сроки, а участники (за исключением Чумаковского, их осудили за «бандитизм» – по ст. 58-3) осуждены ст. 58-2 УК РСФСР. Десятки человек были приговорены к расстрелу, сотни – к лишению свободы.

Иной формой сопротивления режиму стало бегство спецпереселенцев с мест расселения. Так, число бежавших «кулаков» в период с 1930 по 1942 г., по данным отдела ТСП УНКВД по Новосибирской области, составило 113 800 чел., 77 041 из них возвращён не был. В Западной Сибири в 1934–1935 гг. бежали с мест поселения 47 992 чел., что составило 36,72 % от всех бежавших по стране. В 1936–1938 гг. «сибиряком» был каждый четвёртый беглец – 16 026 чел.

Таким образом, обстановка в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. была сложной и напряжённой. В регионе, несмотря на ликвидацию колчаковщины и восстановление советской власти, начало 1920-х гг. можно характеризовать как продолжение гражданской войны в особых формах и проявлениях. В борьбе за сохранение режима большевикам пришлось применять массовые репрессии и террор против проявлений крестьянского недовольства и гнева.

Вторая глава «Репрессии против «классовых врагов» и «социально чуждых» посвящена рассмотрению судеб социальных групп, отнесённых большевиками к своим противникам и подлежавшим по этой причин, подавлению и даже уничтожению.

В первом разделе «Первые жертвы большевиков после ликвидации колчаковщины в Сибири» содержится информация о тех, кто стал жертвами большевиков при сведении ими

счетов с представителями царского и «белых» режимов. Практически все они «бывшие» – офицеры, чиновники, частные собственники и т.д. Следствие в отношении большинства из них велось на основе «революционного правосознания» и не предполагало реального подтверждения наличия враждебной деятельности. Только в 1920 г. в Томске были расстреляны 226 чел. из 1034 арестованных.

В начале 1920-х гг. чекистскими органами была развёрнута работа по поиску «бывших» путём изучения захваченных документов и архивов колчаковцев, жандармских управлений и др. Было организовано взаимосоинформирование органов ЧК и милиции по розыску «врагов» из числа «бывших». Во второй половине 1920-х гг. работа в этом направлении была продолжена с привлечением сотрудников всех архивных подразделений страны. Результаты работы оформлялись в виде справочников, в большинстве своём они касались полицейско-карательных органов России. Например, в 1929 г. в регионе проживали несколько тысяч человек из числа бывших сотрудников и агентов полиции и жандармерии.

Во втором разделе «Преследование бывших офицеров и полицейских» исследован процесс репрессий против представителей офицерского корпуса царского и «белых» режимов. Особое внимание к ним было вызвано тем, что многие из них были способны организовать и повести за собой недовольных советским режимом. После революции тысячи офицеров перешли на сторону большевиков, но значительное их число искали возможности борьбы с большевиками, объединяясь в группы и организации.

По окончании гражданской войны все бывшие офицеры и военные чиновники, в том числе и служившие в Красной армии, были взяты на специальный «особый» учёт в органах ГПУ–ОГПУ, в мотобделах военкоматов и в Управлении комсостава РККА. Их биографии тщательно проверялись посредством анкет, содержавших десятки вопросов об их прошлом, о родных и близких. Так, форма анкеты по приказу № 1728/326 предполагала получение сведений по 38 позициям, 14 из которых имели отношение к прежней военной службе, 3 – об отношении к революции, 5 – о родственниках и т.п. В 1920-х гг. офицеры периодически обязывались к явке в органы ГПУ, были ограничены в возможности передвигаться по территории губернии, где проживали, и т.д., все являлись первыми кандидатами на увольнение или сокращение.

Вместе с тем представители органов власти на местах в силу нехватки специалистов в отдельных случаях вынуждены были обращаться в вышестоящие органы с ходатайствами о разрешении использовать специалистов из числа бывших офицеров. Например, Сибкрайком и СибКИ в 1927 г. обращались в Москву с просьбой о предоставлении прав работавшим учителями, агрономами, врачами и иными специалистами 1 608 бывшим офицерам и военчиновникам.

В 1930-е гг. преследования бывших офицеров были продолжены. К 1933 г. относится реализация полномочным представительством ОГПУ по Западно-Сибирскому краю дела на «контрреволюционную» организацию «Белогвардейский заговор». Были выявлены 2 114 участников организации, репрессиям подверглись 1 759 чел. В обвинительном заключении по делу его авторы «доказали» наличие разветвлённой структуры, преследовавшей цель – свержение советской власти. По приговорам Коллегии ОГПУ и «тройки» ПП ОГПУ края были осуждены 1 616 чел., в том числе 247 участников (15,3 %) – приговорены к ВМН – расстрелу, 1 103 чел. (68,2 %) – к заключению на разные сроки в концлагерь, 77 чел. – условно, 25 – к ссылке и т.д. В настоящее время все реабилитированы. В процессе реабилитации установлено, что дело сфальсифицировано сотрудниками ПП ОГПУ края.

В годы Большого террора в регионе было организовано ещё одно дело, главное место в котором отводилось бывшим офицерам, – дело Российского общевоинского союза. О результатах работы по этому делу нарком НКВД Н.И. Ежов регулярно информировал И.В. Сталина. К 5 октября 1937 г. по делу были арестованы 9 689 чел., из них 8 047 осуждены (83,05 %). Среди осужденных числились: графы и князья – 4, дворяне и помещики – 70, офицеры – 646, каратели и белобандиты – 316, жандармы – 84, провокаторы и предатели – 14, купцы и крупные собственники – 236, священнослужители – 450, кулаки и спецпереселенцы – 1345 и др. Число осужденных по делу в регионе составило 29 258 чел., из них 24 853 (84,2 %) приговорены к расстрелу.

В третьем разделе «Отторжение и притеснение «старых» специалистов» рассмотрена судьба «старых» специалистов, которых большевики также относили к «бывшим», видя в них касту, утратившую в результате революции своё привилегированное положение. Будучи воспитанными в другой системе ценностей, они, по мнению большевиков, продолжали оставаться носителями прежней идеологии, что могло быть использовано врагами режима для их привлечения в свои ряды. На протяжении 1920-х гг. и первой половины 1930-х гг. отношение партийно-советского руководства к «спецам» неоднократно менялось, но в основном сохранялось настороженное и негативное отношение. С начала 1920-х гг. все они находились под контролем органов ВЧК–ГПУ. До 1927 г. организации и учреждения обязаны были представлять в органы ОГПУ анкеты и автобиографии поступающих на службу специалистов и служащих.

«Происками» «спецов» большевики оправдывали все просчёты и ошибки в управленческой и хозяйственной деятельности, обвиняя их во вредительстве. Свидетельством этому стали политические процессы по «Шахтинскому делу», «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии (ТКП)», «Союзному бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» и др. При всей надуманности предъявляемых обвинений стоит признать, что в отдельных случаях акты

вредительства имели место, как в случае с «мясным делом» (1930 г.), когда в города европейской части России поступили, в том числе из Западной Сибири, большие партии испорченного мяса.

Другим делом «вредителей» стало дело ТКП, положившее конец спорам о путях развития сельского хозяйства в стране. Как и большинство других крупных «дел», оно было инициировано органами ОГПУ, «вскрывшими» «контрреволюционные» группы и организации в организациях и структурах, имевших отношение к сельхозорганам. В регионе к числу врагов были отнесены ведущие специалисты земельных органов и научно-опытных учреждений. Многие из них имели «компрометирующее» прошлое. В 1937 г. сотрудниками НКВД дело ТКП было реанимировано, и только в Западной Сибири было арестовано более 3,5 тыс. чел.

Особое место в репрессивной политике занимали специалисты-железнодорожники. После ликвидации колчаковщины Транссиб оставался единственным действующим предприятием, от состояния которого зависела жизнь региона. По этой причине все «спецы» на железной дороге попали под жёсткий контроль чекистских органов, а любые происшествия воспринимались как саботаж или вредительство. С учётом того что в первой половине 1920-х гг. число «бывших» среди «спецов»-железнодорожников в Сибири достигало 80 % (2 371 чел.), в ходе регулярных «чисток» многие из них подлежали увольнению с работы, а то и аресту. В частности, на Омской железной дороге были уволены 350 чел. Несмотря на то что сотрудники дорожно-транспортных отделов ОГПУ регулярно представляли в партийно-советские и чекистские органы аналитические документы, раскрывавшие истинное положение на железных дорогах, независимое от деятельности «старых» специалистов, виновными оставались они.

Избиение «спецов» в СССР пошло на спад к середине 1930-х гг. лишь по одной причине – основная масса их, будучи активно преследуемыми, была «выбита» из активной производственной деятельности, освободив места для молодых советских специалистов.

Четвёртый раздел «Кампании против духовенства» посвящён вопросу, связанному с преследованием представителей духовенства и «сектантских» организаций. Влияние церкви в России было огромным, и большевики понимали, что новую идеологию можно внедрять в сознание населения только путём дискредитации существовавших постулатов веры и её носителей. Этот процесс сопровождался отторжением у церкви собственности и физическим уничтожением духовенства.

Если в годы гражданской войны гонения на церковь носили преимущественно стихийный характер, то после её окончания стали планомерными и целенаправленными. В 1922 г. в стране была начата антирелигиозная кампания. Изъятие церковных ценностей под предлогом оказания помощи голодающему населению европейской части России изначально предполагало конфликт между властью и церковью. Спротивление со стороны духовенства подавлялось

беспощадно. К середине 1922 г. в стране в связи с изъятием ценностей состоялся 231 судебный процесс, на которых только к расстрелу были приговорены 732 чел. Один из процессов над 33 священниками и некоторыми из прихожан состоялся в июле 1922 г. в Томске. Всего в Сибири были возбуждены 12 уголовных дел в отношении 14 духовных и 41 гражданского лица.

В 1929 г. директивным письмом ЦК ВКП (б) в региональные партийно-советские органы была начата кампания «изживания религиозности» – развёрнута работа антирелигиозной направленности, инициировано закрытие церквей и иных культовых зданий. Так, в Томске в 1930 г. были закрыты или частично уничтожены 9 церквей, ещё десятки – в Омске, Таре и на Алтае.

Проведение кампании привело к очередной волне репрессий против священнослужителей и церковного актива. В феврале 1930 г. в Томске с интервалом в две недели были арестованы 69 «врагов», 50 из которых были осуждены и расстреляны 30 марта, в апреле были осуждены ещё 9 чел. В Омске были арестованы 20 чел., 12 из них приговорены к заключению в концлагерь и к ссылке. В 1933 г. сотрудники ПП ОГПУ по ЗСК реализовали две оперативные разработки – «Белогвардейский заговор» и «Сибирское братство». По первой разрабатывалась «церковно-монархическая линия» (270 чел.), по второй – старообрядческая «контрреволюционная» организация. С целью поиска скитов старообрядцев сотрудниками ОГПУ с привлечением партийно-советско-комсомольского актива в 1932 г. было организовано прочёсывание тайги. 283 участника «Сибирского братства» были осуждены, в том числе две трети – приговорены к расстрелу.

В годы Большого террора репрессии развернулись с новой силой. В Новосибирской области по делу Сибирского церковно-монархического совета были арестованы 1 562 чел., аресты священнослужителей прошли в Омске, Таре, Барнауле, Ишиме и др. городах региона. Мусульманское духовенство арестовывалось по делу «военно-мусульманской, контрреволюционно-повстанческой организации «Гаскери Уешма»».

Другой группой преследуемых за веру стали члены «сектантских» общин, репрессии против которых были развёрнуты с момента установления большевистского режима в стране. У них также изымались или закрывались молитвенные дома, распускались общины, проводились мероприятия по их внутреннему расколу. Кроме того, использовался любой случай для уголовного преследования и осуждения членов общин – «уклонение» от уплаты налогов, «саботаж» сдачи сельхозпродукции, «разжигание» эмигрантских настроений среди лиц немецкой национальности, «срыв» хлебозаготовок и др.

В 1937–1938 гг. для преследования «сектантов» оказалось достаточным наличие любого «компромата», накопленного в НКВД. Это, в частности, позволило по делу «шпионско-диверсионной организации» О.И. Кухмана арестовать и осудить 793 чел.

Таким образом, большевики с первых дней установления власти приступили к плановому уничтожению своих противников, в первую очередь из числа бывших. Имеющиеся материалы однозначно свидетельствуют, что в 1920–1930-е гг. в целом в стране и на территории Западной Сибири были физически уничтожены большинство тех, кого можно было отнести к «бывшим», кто мог, действительно, бороться против установленного большевиками режима. На борьбу с этими «врагами» большевистское руководство страны отобщило все партийный и советский аппарат, все силовые структуры и общественные организации. Проведение жёсткой репрессивной политики привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны практически отсутствовали какие-либо «очаги сопротивления» со стороны «бывших».

В третьей главе «Ликвидация идейно-политических противников партии большевиков» рассмотрена политика большевистского руководства страны в отношении представителей политических партий и движений – бывших союзников в борьбе с самодержавием. В попытке обезопасить большевистскую партию от возможных соперников в борьбе за власть на ВЧК была возложена задача по выявлению и учёту членов всех политических партий и движений с постоянным контролем за их деятельностью, по выяснению планов, намерений, организационных структур, связей и т.п.

Первый раздел «Преследование социалистов-революционеров» посвящён одной из самых влиятельных партий, прежде всего среди крестьянского населения, партии эсеров. Влияние её в ряде районов Западной Сибири было значительным по причине участия в партизанско-повстанческом движении против колчаковщины. После ликвидации колчаковщины левозерские организации, выйдя из подполья, не смогли организационно оформиться, самораспустились, частью вступив в РКП (б), «правые» же продолжили борьбу с большевиками.

Решения X съезда ПСР определили основной задачей свержение коммунистической диктатуры. Сиббюро крайкома ПСР в конце 1921 г. директивным письмом конкретизировало задачи организациям на местах, выбрав тактику подпольной борьбы. Эсеры стали создавать законспирированные ячейки «Сибирского крестьянского союза», установили связь с подпольными организациями из числа бывших офицеров в Омске, Новониколаевске, Красноярске. В ходе проведённых чекистами превентивных арестов в начале 1921 г. только на Алтае было арестовано более 700 чел., к расстрелу приговорили 70 организаторов и наиболее активных участников. Но аресты не предотвратили выступлений, организованных при участии эсеров в 1920–1921 гг.

Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. позволил реализовать на практике приказ ВЧК № 52 от 28 февраля 1921 г. по разгрому организаций эсеров и меньшевиков. По решению ВЦИК от 23 июня 1921 г. органы ВЧК получили право только по признаку принадлежности к

какой-либо социалистической партии лишать социалистов свободы сроком на 2 года без направления дела в суд. Так, осенью 1921 г. были проведены массовые аресты эсеров в Томске, Барнауле, Новониколаевске и др. городах региона. Весной 1922 г. более 60 чел. были арестованы в Омске.

По мере укрепления своих позиций большевики активизировали деятельность по подавлению «очагов сопротивления» со стороны политических оппонентов, например по дискредитации ПСР среди разных слоёв и социальных групп населения страны. В этих целях был организован судебный процесс над видными деятелями партии. В ходе его подготовки была развёрнута кампания по формированию общественного мнения. В сибирских газетах были размещены десятки подготовленных Агитпропом ЦК РКП (б) материалов, перепечатывались публикации центральных газет. В Омске десяти тысячным тиражом была выпущена листовка «Почему судят эсеров?». Листовки подобного содержания были распространены в Томской губернии. В заводских коллективах, в учреждениях и организациях проводились собрания и митинги (64 из них – только в Омской губернии). Сразу после вынесения приговора, в соответствии с директивой ГПУ от 11 августа 1922 г., начались аресты членов ПСР. В Западной Сибири были арестованы 17 чел. в Алтайской губернии, 7 – в Новониколаевске, аресты прошли в Томске и других городах.

С ноября 1922 г. начало развиваться ликвидаторское течение среди членов ПСР. Одними из первых это сделали 8 эсеров Мариинска, опубликовавшие письмо об отречении от партии и созыве съезда для определения дальнейшей судьбы партии. Активное участие в организации этого «добровольного» заявления сыграли Томский губотдел ГПУ и губком РКП (б). «Инициатива» мариинцев была растиражирована через губернскую и уездную печать. На основе решений «ликвидационного» съезда ПСР (март 1923 г.) под контролем партийно-чекистских органов была организована работа по проведению конференций по роспуску партии. В июле и августе состоялись конференции в Омске, в сентябре – в Новониколаевске, в ноябре – декабре – на Алтае и в Томске. Многие члены ПСР публиковали в газетах письма-заявления о выходе из партии. Выбранная тактика себя оправдала – к середине 1920-х гг. ПСР прекратила активную деятельность в регионе.

Годы Большого террора принесли эсерам новые преследования, так как в период нахождения в ссылке все они якобы вели «активную подготовку» и «предпринимали конкретные шаги» по борьбе с советской властью. По этой причине с начала «массовой операции» эсеровские «подпольные контрреволюционные» организации стали регулярно вскрываться органами НКВД региона. Так, в Омской области таких организаций оказались десятки, в одной Таре их было несколько. Начало 1938 г. ознаменовалось очередным наступлением на ПСР в связи с указанием И.В. Сталина о необходимости усиления борьбы с

эсерами. Как результат – отчёты УНКВД региона о раскрытии новых «кулацко-эсеровских», «эсеро-кадетских», «эсеровско-белогвардейских», «японо-эсеровских» и др. организаций.

Основой для вскрытия многих организаций эсеров стало «разоблачение и ликвидация» органами НКВД «японо-эсеровской диверсионно-шпионской террористической организации», деятельность которой направляло «Сиббюро ПСР», якобы действовавшее по указаниям Объединённого центрального бюро ПСР. Организация, согласно отчёту УНКВД по Новосибирской области за 1937 г., насчитывала 617 активных членов. В Томске по «эсеровским» делам были арестованы 1 306 чел., 1 139 (87,2 %) из которых были расстреляны.

Во втором разделе, «Меньшевики под катком репрессий», освещена деятельность партийно-чекистских органов региона в борьбе с меньшевиками. Представители этой партии были менее активны, чем эсеры, надеясь на реформирование власти большевиков и установление контактов с ними. Однако РКП (б) не рассчитывала на их участие в построении нового общества, рассмотрев вопрос об отношении к ним в мае – июне 1921 г. на X Всероссийской конференции РКП (б) и заседании ЦК РКП (б), результатом чего стала постановка задач перед ВЧК по усилению борьбы с меньшевиками. Осенью 1922 г., на основании циркуляра ГПУ начались аресты меньшевиков в регионе. Так, в октябре 1922 г. в Томске были арестованы и частью осуждены бывшие члены губернского и городского комитетов РСДРП. По аналогии с партией эсеров была предпринята попытка провести ликвидационный съезд, но ограничились проведением региональных конференций.

Во второй половине 1920-х гг. информация о меньшевиках преимущественно связана с вопросами их пребывания в ссылке. В конце 1920-х гг. в стране не было организации меньшевиков, способной осуществить государственный переворот, хотя советская историческая наука на протяжении десятилетий рассматривала процесс «Союзного бюро ЦК РСДРП» (1–9 марта 1931 г.) как результат разоблачения действовавшей контрреволюционной организации. Рассекреченные в настоящее время документы и материалы свидетельствуют об искусственном характере процесса. С Западной Сибири судьба связала нескольких человек, имевших отношение к нему. В их числе секретарь Омского отделения политкаторжан Ф.Г. Виноградов (Ягодин-Виноградов), один из активных участников процесса Н.Н. Суханов (Гиммер)¹. С Томской областью связана судьба одного из кандидатов на «главную» роль на процессе – М.В. Броунштейна-Валерианова – сотрудника печатного органа меньшевиков, «Социалистического вестника», нелегально прибывшего в СССР по частным делам из-за границы. В уголовном деле в связи с арестом в 1937 г. в Нарыме хранится копия его дневника,

¹ Суханов Н.Н. во время отбывания ссылки в Тобольске в 1937 г. был арестован по обвинению в шпионаже, перевезён в Омск, где и был расстрелян, чему способствовала инициатива Омского обкома ВКП (б).

материалы которого характеризуют ситуацию и обстановку в связи с подготовкой к процессу его участников, показывают механизм следственной работы сотрудников ОГПУ, ответственных за организацию процесса. В ходе следствия по аресту 1937 г. он был обвинён в связях с меньшевиками г. Томска и членом ЦК партии С.О. Ежовым (Цедербаумом), отбывавшим наказание на Алтае, «изобличён» показаниями участников «эсеровской контрреволюционной организации» как один из руководителей (совместно с эсером Д.Д. Донским) в организации повстанческих кадров и т.д.

Другой известной меньшевистской организацией стала «подпольная» организация в Томске, упоминание о которой было включено в 1937 г. в специальный обзор НКВД СССР по меньшевикам. Организация должна была стать массовой, но по неизвестным причинам таковой не стала, многие из названных обвиняемыми «соучастников» вообще не были привлечены к уголовной ответственности.

В третьем разделе «Репрессии против анархистов» отмечается, что анархизм как политическое течение широкого развития на сибирской земле не получил. Анархистская вольница получила распространение в Сибири после революции, наиболее активно проявившись в отдельных партизанских отрядах периода гражданской войны. Наиболее известным в Западной Сибири был отряд И.П. Новосёлова. Весной 1920 г. на Алтае была предпринята попытка создания региональной организации – «Федерации алтайских анархистов». Идея была поддержана группой партизанских командиров. Какой-либо программы не было – критике подвергались советская власть и коммунисты, главным же был призыв к организации самоуправления и отказу от повиновения властям. К лету влияние Федерации распространилось на 8 уездов Алтайской и Томской губерний, движение объединяло около двух тысяч человек. Начатое в мае выступление «анархистов» в районе с. Жуланиха было подавлено, отряды разбиты. В ходе очередного восстания на Алтае анархисты (отряды И. Новосёлова и П. Леонова) проявились вновь, но в очередной раз потерпели поражение.

Последующая деятельность «анархистов» выразилась в действиях Топкинской организации и «Лиги Красного цветка», основу которых составили бывшие партизаны, соработники, сотрудники милиции и чекистских органов, коммунисты. Они считали своим долгом расправляться с «бывшими» и «примазавшимися к советской власти» – выходцами из других партий, а также с коммунистами, которые, по их мнению, не отстаивали интересы рабочего класса и трудового крестьянства. Ими были убиты 4 человека. Итогом стал приговор 7 «анархистов» – к расстрелу, 6 – к лишению свободы и оправдание остальных. Никто из участников не был идейным анархистом, они боролись против подчинения партийной и служебной дисциплине.

Истинно анархистских организаций на 1920 г. в Сибири было две – в Омске и Иркутске, действовали они легально. На учёте в ЧК состояли группы (от 2 до 10 чел.) в Томске, Красноярске, Новониколаевске, Петропавловске и ещё в нескольких населённых пунктах Восточной Сибири и Тюменской губернии. Общее число анархистов не превышало нескольких десятков человек. Основные усилия они направляли на работу среди военнослужащих и рабочих, например среди железнодорожников Томска и пиццевиков Омска. Наиболее активны они были в конце 1921 г. – первой половине 1922 г., когда омские анархисты, используя затруднения продовольственного и хозяйственного характера и ухудшение материального положения рабочих Омска в указанный осенне-весенний период, активизировали агитационную работу, имевшую антисоветскую направленность. Их деятельность была взята под контроль сотрудниками губчека, что в итоге позволило уменьшить активность анархистов.

К началу 1923 г. анархистские группы практически прекратили свою деятельность – группы в Омске и Иркутске распались, как и остатки Федерации алтайских анархистов. Деятельность анархистов закончилась публичным отречением от анархизма в сентябре 1923 г. В последующие годы информация об анархистах связана с их пребыванием в ссылке в Нарыме. Так, в первой половине 1930-х гг. А.А. Солонович (бывший секретарь федерации анархистов, один из организаторов и руководителей Ордена тамплиеров в Москве), отбывавший ссылку в с. Каргасок, пытался создать «анархо-мистические» кружки, предлагая политссылным вступать во «Всесоюзный альянс анархистов», который он якобы возглавлял. Ему даже удалось вовлечь в ряды организации нескольких местных жителей и отбывавших ссылку анархистов. В январе 1937 г. он был арестован, но умер во время следствия.

Четвёртый раздел «Политическая ссылка Западной Сибири как способ изоляции и подавления идейно-политических противников» завершает рассмотрение политики репрессий большевистского руководства страны против политических «оппонентов», характеризует их положение в ссылке.

Ссылка была одной из распространённых форм подавления возможного сопротивления со стороны политических «оппонентов». В 1920-х гг. в Сибирь для отбытия ссылки прибыли несколько сот человек, в основном руководители и активные члены партии эсеров, меньшевиков, анархистов, сионистов и др. К концу 1923 г., по данным прокуратуры края, особо сплочённые группы политссылных сформировались в Нарымском крае, в Красноярске и в Ойротии. Объединения формировались на почве преодоления материальных затруднений, но в целом ссылка была разобщена по партийному, национальному и конфессиональному признакам на протяжении всех 1920-х гг. В эти годы ссылные ещё предпринимали попытки установления контактов с единомышленниками в других регионах и за рубежом преимущественно через

открытую переписку, в отдельных случаях используя условный язык, «шифры», наколку букв в журналах и книгах и др. ухищрения, были отмечены факты использования связников.

Особое внимание при работе со ссылными органы ОГПУ уделяли эсерам и меньшевикам с учётом того, что в ссылке находились лидеры этих партий. Наибольший интерес вызывал член ЦК ПСР Д.Д. Донской, который первоначально сумел сплотить ссылку независимо от партийной принадлежности. Его квартира была превращена в своеобразный штаб, где регулярно проводились собрания, на которых обсуждалась ситуация в стране, планы деятельности ссылки и другие вопросы. Но органы ОГПУ через вербовку агентуры из ссылных смогли влиять на политссылку в целом. И уже в конце 1920-х гг. Д.Д. Донской полностью отказался от борьбы с советской властью.

Таким образом, имеющиеся материалы свидетельствуют, что большевистское руководство страны самое серьёзное внимание уделяло своим «политическим оппонентам», активно преследуя их в рассматриваемый период. С этой целью были задействованы, в первую очередь, органы ГПУ–ОГПУ–НКВД, которые обязывались отслеживать все проявления их политической деятельности, организовывать преследование и подавление, что и было реализовано.

Четвёртая глава «Система вынесения приговоров и наказания, условия содержания в местах лишения свободы в Западной Сибири» позволяет выявить зависимость развития и изменения (через ужесточение) репрессивной политики в исследуемый период от решений партийно-советского руководства страны.

В первом разделе «Система и принципы наказания в 1920-е годы» рассматривается политика большевистского руководства в борьбе с преступностью на основе «перековки» и «перевоспитания». Доставшаяся от царизма пенитенциарная система была разрушена, что на фоне отказа от ранее действовавшего законодательства и отсутствия нового привело к активизации преступности. Многочисленные банды и шайки являлись мощным дестабилизирующим фактором. Однако большевистские лидеры полагали, что в новых условиях для борьбы с преступностью будет достаточно системы мер, позволяющей перевоспитать преступника.

По этой причине на основе анализа архивных документов можно вести речь о сравнительно мягкой системе наказания в 1920-е гг. При наличии разных мер наказания, вплоть до «расстрела условно», «высшей мерой» оставалось осуждение к пятилетнему сроку лишения свободы даже за самые тяжкие преступления. В отдельных случаях сроки были большими. Дважды в год (к Первомаю и очередной годовщине Октябрьской революции) объявлялись амнистии, по которым часть осужденных освобождалась от наказания либо им сокращались сроки наказания (на половину, на треть или четверть). Не подлежали амнистированию

«бывшие» и «социально чуждые». Амнистии преследовали две цели. Большевики пытались, во-первых, привлечь на свою сторону бывших противников (что не всегда удавалось), а во-вторых, разгрузить переполненные (в 5 и более раз) места заключения.

Во втором разделе «Ужесточение системы наказания в конце 1920-х – 1930-е гг.» рассматриваются причинно–следственные связи ужесточения системы наказания в зависимости от изменения политического курса в стране, так как возобладали «классовый подход» в борьбе с преступностью. Ужесточению репрессий способствовало принятие соответствующих документов ВЦИК и СНК СССР. Начиная с 1927 г. (ввода в действие УК РСФСР в редакции 1926 г.) стало увеличиваться число осужденных по линии ОГПУ: в 1927 г. – 12 267 чел., в 1928 – 16 211, в 1929 – 25 853, в 1930 – 114 443 чел. Согласно информации, содержащейся в базах данных репрессированных жителей Алтая, Кемеровской и Томской областей, только в этих субъектах в указанные годы по линии ОГПУ были осуждены 5 052 чел. Результаты исследования наглядно демонстрируют изменения системы вынесения приговоров. Так, в 1930–1932 гг. число арестованных на Алтае увеличилось по сравнению с 1927–1929 гг. в 12,4 раза (с 551 до 6 850 чел.), в Кемеровской области – в 7,4 раза (с 254 до 1 886 чел.). Число приговорённых к ВМН – расстрелу – увеличилось в 14 и 57,6 раза (с 83 до 1 164 и с 3 до 173 чел.) соответственно, осуждение на 10 лет лишения свободы – в 18,6 и 21,2 раза соответственно (с 62 до 1 155 и с 5 до 106 чел.).

В 1937–1938 гг. число репрессированных в трёх названных субъектах составило более 62 тыс. чел., 42 290 из которых были расстреляны (67,8 %). Полученные результаты подтверждают наличие во многом зависимости массовых репрессий от политических изменений в жизни Советского государства. Начиная с 1930 г. пятилетний срок наказания стал применяться всё реже, за все 1930–е годы он был вынесен только в 5 509 случаях (6,88 %). Стали преобладать приговоры со сроками 7, 8 и 10 лет ИТЛ, а в отдельных случаях – 12, 15 и 25 лет ИТЛ.

Третий раздел «Условия содержания репрессированных под стражей». Пенитенциарная система с первых дней советской власти испытывала серьёзные затруднения, связанные с содержанием заключённых. Регулярно проводимые амнистии и предоставление отпусков не могли решить проблемы переполнения мест заключения. В короткий промежуток времени они вновь заполнялись, в том числе и освобождёнными по амнистиям.

Острой проблемой на протяжении рассматриваемого периода оставалась организация питания заключённых. Разработанные нормы питания по количеству, видам продуктов и их калорийности никогда не выполнялись. На местах обходились тем, что было в наличии и что удавалось получить, была официально разрешена замена одних продуктов другими с учётом местных возможностей. Так, в 1925 г. питание в Тарском, Барнаульском и Омском исправительно–трудовых домах, Славгородском и Кузнецком домах заключения составляло

менее 600 калорий в день при норме 2308. В созданных в конце 1920–х гг. ИТЛ ОГПУ ситуация была схожей, поскольку многие из них строились при полном отсутствии какого-либо планового снабжения.

Питание заключённых зависело и от выполнения норм выработки. Однако их выполнение (что было почти невозможно) предполагало получение дополнительной пайки хлеба, которая не могла восполнить реальные энергозатраты. Штрафные нормы питания были в 2–4 раза меньше обычных. На протяжении исследуемого периода снабжение заключённых регулярно ухудшалось. Так, потребности ГУЛАГа на первый квартал 1940 г. были удовлетворены по мясу на 62 %, рыбе – на 43 %, растительному маслу – на 55 %, салу – на 26 %, сахару – на 43 %. В этих условиях пайка хлеба была урезана всем категориям заключённых.

В годы Большого террора главной проблемой для пенитенциарной системы были следственные заключённые. Например, на Алтае в имевшихся 4 тюрьмах с расчётом на 1115 заключённых переполнение достигало 9–19 раз, на 1 января 1938 г. в них содержались 12920 чел., т.е. в 11,6 раза больше расчётного. На одного человека приходилось менее 0,5 кв. метра площади, не хватало средств гигиены и дезинфекции, столовых принадлежностей, белья и т.д.

Таким образом, изменение политического курса страны самым непосредственным образом отражалось на пенитенциарной системе. По мере достижения поставленных партийно-советским руководством страны целей ужесточались меры наказания в ответ на сопротивление, например, со стороны крестьянства. Использование труда заключённых позволило государству добиваться больших результатов за счёт увеличения продолжительности рабочего времени, установления зависимости их выживания от норм выработки, отказа от решения многих социальных вопросов. Пенитенциарная система была использована правящим режимом для реализации своей карательной политики, превращена в орган подавления и уничтожения неугодных лиц, стала частью системы по организации массовых репрессий против собственного народа.

Пятая глава «Реабилитация жертв политических репрессий в Западной Сибири» посвящена вопросам, связанным с восстановлением справедливости в отношении незаконно репрессированных жителей региона.

В первом разделе «Реабилитация конца 1930-х гг. – “Бериевская оттепель”» представлен анализ условий, приведших к отказу от проведения «массовых операций» органами НКВД, сокращению масштабов репрессий и устранению лиц, выполнивших «волю» Сталина по уничтожению мнимых оппонентов режима и искоренению всякого инакомыслия в стране. Смена «вектора» в политике привела к снятию с должности Н.И. Ежова и замене почти всего руководящего состава органов – от центрального аппарата до НКВД–УНКВД республик, краёв и областей. В связи с раскрытием «заговора в НКВД» аресту подверглись более трёх

тысяч сотрудников. Партия «организовала» борьбу по искоренению «врагов», проникших в НКВД, и «восстановление» справедливости в отношении пострадавших от их незаконных действий.

17 ноября 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) было принято постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором, наряду с высокой оценкой «несомненных заслуг» НКВД в борьбе с «врагами», звучала резкая критика за допущенные многочисленные нарушения соцзаконности со стороны аппарата НКВД, произвол в процессе следствия и т.п. Содержание документа предполагало «восстановление законности» и создавало видимость действия в стране правовых механизмов.

Следствием выхода названного постановления явилось издание целого ряда приказов и директив (в том числе и совместных) НКВД и Прокуратуры СССР, детализировавших и разъяснявших положения постановления применительно к деятельности этих структур. Был организован пересмотр дел осужденных, но сегодня нет возможности определить точное число подлежащих освобождению и освобождённых в результате пересмотра дел. Многие исследователи количество освобождённых исчисляют сотнями тысяч человек, с чем нельзя согласиться. К примеру, в Алтайском крае, Кемеровской и Томской областях (в рамках современных границ) в 1939–1940 гг. был освобожден всего 841 чел. (536, 171 и 134 соответственно), в последующие годы освобождение получали единицы. Одним из основных факторов того, что процесс пересмотра дел не стал массовым, была неготовность и нежелание сотрудников НКВД на местах заниматься этой работой, хотя бы по той причине, что аресты «врагов» в стране продолжались, а имевшиеся на них материалы мало чем отличались от материалов предыдущих лет. Более того, число арестованных за «контрреволюционную» деятельность (от общего количества арестованных) уже в 1939 г. почти вдвое превысило показатели 1938 г. (34,5 и 18,6 % соответственно). В 1939–1940 гг. практически каждый третий осуждался за «контрреволюцию».

«Бериевская оттепель» носила эпизодический характер, не стала переломным моментом в восстановлении справедливости по отношению к незаконно репрессированным, не могла привести к свёртыванию репрессий в стране, однако позволила освободить из мест отбытия наказания или находившихся под следствием несколько десятков тысяч человек.

Во втором разделе «Кампания массовой реабилитации в середине 1950-х – 1980-е годы» рассматривается процесс начала массовой реабилитации репрессированных. Смерть И.В. Сталина изменила ситуацию в стране. Было упразднено Особое совещание при МВД СССР, Верховный Суд был наделён правом пересмотра по протесту Генерального прокурора страны решений ранее действовавших внесудебных органов – Коллегии ОГПУ, «троек» НКВД–УНКВД и Особого совещания при НКВД–МГБ–МВД СССР.

Активизация процесса реабилитации на местах началась после создания в 1954 г. комиссий по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Комиссии организовывались в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС (февраль 1954 г.), обязавшим пересмотреть все дела на осужденных за названные преступления, отбывавших наказание в лагерях, колониях и тюрьмах МВД, а также в отношении лиц, находившихся в ссылке. На местах в них включались руководители органов прокуратуры, юстиции, МВД и КГБ соответствующих субъектов. Их деятельность рассмотрена на примере комиссии Томской области. Анализ её работы не позволил выявить наличие системы в их работе.

Однако цели, поставленные перед комиссиями, выполнены не были, так как никто не представлял объёма предстоящей работы, механизм пересмотра был сложным и требовал значительных материальных и временных затрат, составы комиссий были неработоспособными и т.д. Государство также не было готово к кардинальным переменам в части решения судеб «врагов народа». Так, при отмене решений по другим пунктам ст. 58 УК, п. 10 («Антисоветская агитация и пропаганда») оставлялся почти всегда. Работа комиссий была засекречена.

Реальным началом массовой реабилитации, видимо, следует считать сентябрь 1955 г., когда вышел Указ ПВС СССР от 19 августа 1955 г. «О внесении изменений в статью 3 Указа ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР»», позволивший рассматривать дела военным трибуналам и судам всех уровней, от областных и выше. На новый качественный уровень поднял эту работу XX съезд КПСС. В СССР только в 1954–1960 гг. были реабилитированы 737 182 чел. В Западной Сибири – на Алтае, в Кемеровской, Новосибирской и Томской областях – были реабилитированы около 80 тыс. чел., что составило 10,85 % от общего числа реабилитированных в стране. В 1960-е гг. работа по реабилитации пошла на убыль. Постепенно тема репрессий высшим руководством страны была отодвинута на задворки, уступив место новым программным установкам и целям по построению коммунистического «светлого будущего». Если в 1960-е гг. в названных субъектах были реабилитированы около 14 тыс. чел., то в период 1970-х и до 1989 г. – всего 1 128. Новое оживление работы началось после выхода 16 января 1989 г. Указа ПВС СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 1950-х годов». До 2001 г. справедливость была восстановлена ещё в отношении 50 тыс. жителей региона. В целом число реабилитированных в Западной Сибири жертв репрессий периода 1920-х – начала 1950-х гг. составило 180 тыс. чел.

Особое внимание при рассмотрении репрессий исследователи уделяют вопросу национальной принадлежности репрессированных. Если до начала Большого террора

невозможно выделить «национальный аспект» репрессий, то в 1937–1938 гг. просматривается чёткая линия на проведение репрессий с учётом национальной принадлежности репрессируемых. В НКВД были изданы 12 «линейных» приказов, в которых представители ряда национальностей объявлялись организаторами и проводниками подрывной политики против СССР. Национальные «контрреволюционные» организации в массовом порядке вскрывались повсеместно. В Западной Сибири ликвидировались польские, немецкие, латышские, татарские, китайские, корейские, финские и другие организации.

Однако основным контингентом жертв репрессий в регионе всё-таки было русское население – более 65 %, затем шли украинцы – 7,6 %, немцы – 5,65 %, поляки – 4,8 %, белорусы – 2,72 %, латыши – 1,75 % и др., что противоречит утверждениям отдельных зарубежных исследователей о наличии «всеобщей программы массового уничтожения» нерусских народов. Действительно, число расстрелянных представителей нерусских национальностей по отдельным делам достигало 100 %, но они не были преобладающей группой населения в регионе и количественно определялись несколькими десятками человек. В Западной Сибири репрессиям подверглись менее половины из проживавших представителей более ста наций и народностей.

В третьем разделе «Реабилитация жертв массовых репрессий в конце «перестройки» и постсоветский период» освещается очередной этап реабилитации жертв репрессий, начавшийся после 1989 г. Инициированная Политбюро ЦК КПСС кампания началась с создания очередной комиссии по изучению фактов и документов, связанных с репрессиями 1930–1950-х гг., но она не предполагала развёртывания этой работы в широком масштабе. Ускорение процессу реабилитации придал Указ ПВС СССР от 16 января 1989 г., в соответствии с которым в КГБ СССР было издано Указание № 4/с/13/18с от 4 февраля 1989 г., предусматривавшее организацию работы по реабилитации в территориальных органах госбезопасности путём создания рабочих групп из числа опытных оперработников и сотрудников следственных подразделений. Это позволило только в 1989 г. органам КГБ СССР в Западной Сибири пересмотреть более 25 тыс. дел, по которым (без учёта Омской области) были реабилитированы 21 397 чел.

Новый этап в работе по реабилитации был во многом превращён в политическую кампанию, разыгрываемую определёнными силами. Принятие законов, внесение изменений в ранее принятые, расширение круга лиц, подлежащих признанию жертвами репрессий, указания о компенсационных выплатах и др. не имели под собой экономического обоснования, что негативно отражалось на организации работы по реабилитации.

Наибольшая нагрузка в решении вопросов реабилитации граждан в названный период пришлось на органы МВД России, в подразделения которых в 1992–2009 гг. поступило

6 244 618 заявлений, из них 4 575 781 (73,3 %) было рассмотрено. В органы милиции в шести субъектах Западной Сибири таких обращений только в 2002–2009 гг. поступило 192 593, или 9,1 % от общего числа заявлений по России, рассмотрено 183 516 (95,3 %). Показатели в данной работе стабильно на протяжении десятилетия были в числе лучших по стране. По количеству выданных справок о реабилитации на субъекты Западной Сибири пришлось 10,7 % (78 872 от 736 125), отказано в выдаче в 19 017 случаях (по России – в 256 019), т.е. каждому десятому из обратившихся (10,36 %), что меньше чем по России в целом (12,1 %).

Выявленные отличия в показателях работы можно объяснить только отсутствием единого подхода к решению поставленной задачи. Решающее значение при рассмотрении обращений граждан играл субъективный фактор. Результаты реабилитации при отсутствии единой системы пересмотра дел свидетельствуют о том, что не все из реабилитированных заслуживали этого, как и о том, что не все отказы в реабилитации были обоснованными. В настоящее время в архивах ФСБ региона хранятся тысячи дел на тех, кому в реабилитации отказано, несмотря на неоднократные пересмотры сотрудниками прокуратуры. Государство и сегодня считает преступниками тех «политических», кто грабил, убивал, насиловал, изменял Родине и т.п., сделав для них одно – сняв клеймо политических обвинений и переквалифицировав их деяния на уголовные.

В настоящее время многие региональные органы ФСБ и МВД завершили пересмотр хранившихся у них дел, что часто воспринимается как завершение работы по реабилитации. Но тысячи дел на осужденных, например, ревтрибуналами, хранятся в архивах субъектов РФ, не будучи пересмотренными. Необходимо организовать выявление и пересмотр таких дел.

Реабилитация жертв репрессий предполагала не только пересмотр архивных дел, но и увековечение памяти жертв репрессий. Большая работа была проведена в этом направлении в 1990-е гг., когда в массовом порядке устанавливались памятники, обелиски, памятные знаки, мемориальные доски, но в настоящее время эта работа практически прекращена. Иной формой увековечения памяти стало издание Книг Памяти жертв репрессий. Первыми завершившими эту работу в стране стали сотрудники Томского УКГБ СССР. Подобные книги изданы в десятках субъектов РФ, в Западной Сибири – на Алтае и в Омской области. В Новосибирской области вышли пока три тома, но какая-либо система в этой работе отсутствует, в основном она ведётся на энтузиазме отдельных историков и краеведов. Не организована работа в Кемеровской области.

Одновременно с работой над Книгой Памяти в Томске была создана автоматизированная база данных на репрессированных томичей, обработка данных которой позволяет снять многие вопросы о численности репрессированных, их национальной принадлежности, социальном

положении и др., что даст возможность более объективно и всесторонне изучать вопросы, связанные с политикой репрессий в СССР и отдельных субъектах.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны основные выводы.

Вся история Советского государства пронизана непримиримостью и искоренением всякого инакомыслия, отличного от официальной доктрины. Победившие в октябре 1917 г. большевики, вооружённые постулатами марксизма о необходимости защиты завоеваний революции и подавления свергнутых противников, активно приступили к их реализации на практике. Политика партийно-советского руководства по применению репрессивных мер в отношении представителей отдельных социальных групп, прежде всего против «бывших» – офицерских кадров, «старых» специалистов, духовенства, а также политических оппонентов большевиков из числа членов иных политических партий и движений – носила целенаправленный характер.

Командные чрезвычайные методы управления государством, избранные большевистским руководством страны в качестве основных, заставляли страну жить в рамках жесточайшей дисциплины, когда отступление от общеустановленных правил и норм приравнивалось к антигосударственным преступлениям. Перенос форм и методов управления периода гражданской войны на мирную жизнь привёл к многочисленным перегибам, нарушению законов, введению в повседневную жизнь чрезвычайных мер, преимущественно репрессивных.

Реализация планов по переустройству государственного механизма, в том числе и экономическому развитию «окраин» страны, в частности Западной Сибири, привела к ссылке в регион десятков тысяч крестьянских семей и созданию системы исправительно-трудовых лагерей. Жесточайшая эксплуатация труда спецпереселенцев и заключённых позволила решить большинство поставленных задач, но тысячи «строителей» погибли от голода, болезней и отсутствия минимальных условий социально-бытового характера. Репрессии стали фактором, мобилиующим население страны на выполнение задач по социальной перестройке общества, мощному промышленному рывку. При всей неэффективности труда заключённых и спецпереселенцев именно благодаря их вкладу регион был превращён в важнейший индустриальный центр за Уралом – построены новые города, сотни фабрик и заводов, железнодорожные и автомобильные дороги, открыты месторождения полезных ископаемых и т.д.

Двойственный характер массовых репрессий – мобилизация населения на решение поставленных задач и создание атмосферы страха – позволил большевистскому руководству страны сохранить установленный в стране режим. Исполнителями его воли стала вся система правоохранительных органов, но в первую очередь – сотрудники ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД.

Выполнение ими карательных функций привело к репрессированию в регионе только по политическим мотивам 180 тыс. чел., ещё больше пострадало в административном порядке.

По мере стабилизации социально-экономической и политической ситуации массовые репрессии, пик которых пришёлся на 1937–1938 гг., уменьшились, но прекращены не были, в очередной раз изменился их вектор. Партийно-советское руководство во главе с И.В. Сталиным убедились, что репрессии как способ управления массами продемонстрировали свои возможности на практике.

Отход от политики массовых репрессий сопровождался началом процесса реабилитации. Он прошёл несколько этапов, но никогда не носил характера спланированной и организованной работы со стороны органов власти. Роль и место правоохранительных органов региона в организации этой работы были важнейшими на протяжении всего периода реабилитации. Партийно-советское руководство страны использовало этот процесс в качестве одной из мер по управлению обществом, понимая, что проведение полномасштабной кампании по реабилитации жертв массовых репрессий могло привести к дестабилизации обстановки в стране и создать угрозу для её существования. Часто работа по реабилитации становилась разыгрываемой руководителями государства политической картой в те или иные отрезки времени.

В настоящее время в органах ФСБ и МВД Западной Сибири закончен процесс пересмотра архивно-следственных дел, но в целом работа ещё далека от завершения. Тысячи дел на репрессированных хранятся в госархивах субъектов Федерации, но об их пересмотре речь не ведётся. Более того, просматривается тенденция свёртывания процесса реабилитации.

Работа по реабилитации жертв массовых репрессий в регионе привела к появлению новых подходов по увековечению памяти жертв репрессий (создание Книг Памяти, электронных баз данных репрессированных). Но и эта работа проводится бессистемно, в основном за счёт представителей научного сообщества и общественности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Уйманов В.Н. Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и судьба меньшевика М.А. Валерианова-Броунштейна // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 76–82. – 0,8 п.л.
2. Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931–1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 357. – С. 105–110. – 0,61 п.л.
3. Уйманов В.Н. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х – 1980-е годы // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 2 (18). – С. 92–99. – 0,77 п.л.

4. Уйманов В.Н. Была ли «бериевская оттепель» в СССР? (К вопросу о реабилитации жертв репрессий) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 358. – С. 39–45. – 0,72 п.л.
5. Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 362. – С. 103–106. – 0,45 п.л.
6. Уйманов В.Н. Капитан государственной безопасности Иван Овчинников // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Выпуск 5 (120). – С. 229–235. – 0,75 п.л.
7. Уйманов В.Н. Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Выпуск 6 (121). – С. 243–251. – 0,95 п.л.

Монографии, разделы в коллективных трудах:

8. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 336 с. – 21 п.л.
9. Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже безопасности Государства Российского: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. – Томск, 2008. – 218 с. – 17,9/7,4 п.л.
10. Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). – Томск, 2011. – 330 с. – 19,3 п.л.
11. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 гг.). – Томск. 2012. – 564 с. – 45,8 п.л.
12. Михеенков Е.Г., Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Томской губернии 1879 – середина 1930 гг.: Историко-правовые аспекты. Томск, 2012. – 277 с. – 17,3/9,86 п.л.
13. Боль людская. Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов : в 5 т. /Т. 1 – в соавторстве/. – Томск : Управление ФСБ РФ по Томской области, 1991 – 1999. – 137,92 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

14. Уйманов В.Н. История – наука точная // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей / отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 210–218. – 0,46 п.л.
15. Уйманов В.Н. Без права на жизнь // Земля чаинская : сб. научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорное / отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 205–227. – 0,68 п.л.
16. Уйманов В.Н. Возвращение из небытия // Земля первомайская : сб. научно-популярных очерков / отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 451–512. – 1,9 п.л.
17. Уйманов В.Н. Формирование системы ИТУ в 1920–х гг. в Сибири // Правовые и психолого-педагогические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов : сб. матер. межрегион. науч.-практ. семинара / под общ. ред. Ю.К. Якимовича ; Томский филиал Кузбасского института ФСИН России. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. – С. 34–48. – 0,74 п.л.
18. Уйманов В.Н. О некоторых формах сопротивления режиму спецпереселенцами Западной Сибири в 1930-х годах // Правовые и психолого-педагогические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов : матер. межрегион. науч.-практ. семинара / под общ. ред. С.А. Елисеева. – Томск : Изд-во ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», 2011. – С. 88–101. – 0,72 п.л.
19. Уйманов В.Н. Роль Сиблага в экономическом развитии Западной Сибири в 1930–е годы // Вестник ФГОУВПО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний». – Новокузнецк. 2011. № 1 (4). – С. 37–41. – 0,47 п.л.
20. Уйманов В.Н. Наш долг, наша боль // Политическая информация. – Томск, 1989. № 12. – 0,14 п.л.
21. Уйманов В.Н. КГБ – «Мемориал»: практика взаимодействия // Вестник контрразведки. – 1992. – № 1. – 0,28 п.л.
22. Уйманов В.Н. «Дольше всего живёт память...» // Вестник контрразведки. – 1993. – № 20. – 0,26 п.л.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Издательского Дома ТГУ

Заказ № 28 от «23» сентября 2013 г. Тираж 110 экз.

